

4 июня.

Присутствовали, подъ председательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, и. д. инспектора Архимандритъ Петръ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: Н. Субботина, Е. Голубинскаго, не присутствовавшихъ по болѣзни, и В. Соколова, не присутствовавшаго по семейнымъ обстоятельствамъ.

Въ собраніи семъ и. д. доцента Московской духовной Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта, кандидатъ богословія Александръ Ждановъ, защищалъ представленную имъ на степень магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Откровеніе Господа о семи азійскихъ церквахъ (Опытъ изъясненія первыхъ трехъ главъ Апокалипсиса)“. Москва, 1891. Оппонентами были: Ректоръ Академіи, Архимандритъ Антоній, и доцентъ по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Заѣта Митрофанъ Муретовъ.

По окончаніи диспута Ректоръ Академіи, Архимандритъ Антоній, собравъ голоса членовъ Совѣта, объявилъ, что Совѣтъ призналъ защиту магистрантомъ его диссертации удовлетворительною.

Справка: 1) По § 136 Устава духовныхъ академій кандидаты удостоиваются степени магистра богословія не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ постороннихъ лицъ (коллоквиумъ). 2) По § 81 лит. в п. 6 того-же Устава удостоеніе степени магистра богословія значится между дѣлами Совѣта Академіи, представляемыми чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи и. д. доцента Академіи, кандидата богословія, Александра Жданова въ степени магистра богословія. 2) Представить Его Высокопреосвященству и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертации кандидата А. Жданова и копиі съ отзывовъ о ней Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, и доцента М. Муретова.

5 июня.

Присутствовали, подъ председательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, всѣ члены Совѣта Академіи.

Слушали: I. Внесенные председателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ въ текущемъ году, списки студен-

товъ III курса съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на испытаніяхъ, и сочиненіямъ, написаннымъ ими въ теченіе учебнаго года. По разсмотрѣніи сихъ списковъ оказалось, что изъ 52 студентовъ 46 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллы не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3,25 и одинъ студентъ имѣетъ въ среднемъ выводѣ баллъ 3,73. Студентъ Алексѣй Целебровский не представилъ семестроваго сочиненія по пастырскому богословію, студентъ Константинъ Богдановъ — по догматическому богословію, студентъ Сергѣй Добровъ — по русской церковной исторіи и догматическому богословію, студенты Николай Цыганковъ и Александръ Товаровъ не держали испытаній ни по одному изъ предметовъ III курса, кромѣ того Цыганковъ не представилъ ни одного семестроваго сочиненія, а Товаровъ — одного по исторіи западныхъ исповѣданій.

II. Внесенный и. д. инспектора Академіи, Архимандритомъ Петромъ, списокъ студентовъ III курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію; въ этомъ спискѣ поведеніе 50-ти студентовъ обозначено балломъ 5 и 2-хъ студентовъ — балломъ 4.

III. Прошенія студентовъ III курса.

1) *Константина Богданова*: „Вслѣдствіе болѣзни (воспаленія легкихъ), заставившей меня пользоваться помощью академическаго врача въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ, ячаяая съ 13 января сего года, а потомъ — и еще прожить въ больницѣ до Пасхи для совершеннаго выздоровленія, я не могъ подать въ назначенный срокъ семестроваго сочиненія по догматическому богословію. А посему покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ отсрочкѣ подачи этого сочиненія впредь до 15 августа сего года. При семъ прилагаю медицинское свидѣтельство“.

2) *Сергѣя Доброва*: „Неблагопріятныя домашнія обстоятельства и вызванное ими нервное разстройство, соединенное съ общимъ упадкомъ силъ, не позволили мнѣ во вторую половину этого учебнаго года заниматься должнымъ образомъ; вслѣдствіе чего мною не приготовлены къ подачѣ два семестровыхъ сочиненія: по русской церковной исторіи и по догматическому богословію. Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ отсрочкѣ подачи указанныхъ сочиненій до 15 августа. Медицинское свидѣтельство при семъ прилагаю“.

3) *Николая Цыганкова*: „Разстроенное мое здоровье, заставив-

шее меня уѣзжать домой въ началѣ и концѣ настоящаго учебнаго года, не дало мнѣ возможности приготовить семестровыхъ сочиненій и выдержать экзаменовъ въ обычное время. Въ томъ же состояніи здоровья я остаюсь и теперь и для своего поправленія долженъ, по совѣту врача, свидѣтельство коего при семъ прилагаю, воспользоваться каникулярнымъ временемъ. Такимъ образомъ я и каникулами не могу приготовить семестровыхъ сочиненій и подготовиться къ экзаменамъ. Поэтому я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи оставить меня на повторительный курсъ съ оставленіемъ за мной и той стипендіи, которою я пользуюсь“.

4) *Александра Товарова*: „Въ теченіе года я неоднократно страдалъ простудными болѣзнями, о чемъ, какъ напр. послѣ рождественскихъ каникулъ, мной было представлено въ Правленіе Академіи медицинское свидѣтельство; вслѣдствіе этого я не имѣлъ возможности написать въ срокъ семестроваго сочиненія по исторіи западныхъ исповѣданій. Наконецъ, заболѣвъ послѣ Пасхи воспаленіемъ легкихъ, о чемъ мной въ свое время также было представлено въ Правленіе Академіи медицинское свидѣтельство, я не могъ держать устныхъ испытаній для перехода на 4 курсъ. Въ виду всего этого покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ Іоанникіемъ, о дозволеніи мнѣ представить послѣ лѣтнихъ каникулъ семестровое сочиненіе по исторіи западныхъ исповѣданій и держать тогда же устныя испытанія для перехода на 4 курсъ“.

Справка: 1) § 138 Устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію“. 2) Того же Устава §§ 133 и 134: „При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе*. При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся. Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса“. 3) Студенту Алексѣю Целебровскому, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 18 мая сего года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, дозволено подать семестровое сочиненіе по пастырскому богословію послѣ лѣтнихъ

каникулъ. 4) Студентъ Н. Цыганковъ не оставался на второй годъ ни въ одномъ курсѣ. 5) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января сего года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность позволять студентамъ подачу семестровыхъ сочиненій послѣ лѣтнихъ каникулъ только въ особо уважительныхъ случаяхъ, а на перенесеніе устныхъ экзаменовъ каждый разъ испрашивать особое разрѣшеніе Его Высокопреосвященства.

Опредѣлили: 1) Студентовъ III курса: 1. Ивана Попова, Ивана Николаина, Павла Борисовскаго, Ивана Тюрнипа, 5. Ивана Андреева, Николая Князева, Евгенія Цвѣткова, Василия Георгіевскаго, Николая Брянцева, 10. Александра Прозоровскаго, Николая Арсеньева, Михаила Шувалова, Геннадія Спасскаго, Александра Лепорскаго, 15. Петра Ярустовскаго, Василия Грекова, Михаила Дядькова, Григорія Орлова, Аркадія Азбукина, 20. Ивана Воронцовскаго, Алексѣя Волкова, Алексѣя Виноградова, Евгенія Бречкевича, Алексѣя Сосновскаго, 25. Виктора Ѳедотова, Алексѣя Тихова, Николая Козлова, Якова Элпидинскаго, Павла Европина, 30. Александра Яхонтова, Петра Полянскаго, Сергѣя Троицкаго, Василия Сибирскаго, Константина Несмѣлова, 35. Сергѣя Верещагина, діакона Павла Сосновскаго, Якова Яцковскаго, Дмитрія Андреева, Алексѣя Боголюбова, 40. Александра Тарелкина, Дмитрія Ромашкова, Якова Матусевича, Евѣимія Апостолиди, Владимира Булгакова, 45. Николая Патакина, Алексѣя Нечаева и Петра Пискама перевести въ слѣдующій курсъ. 2) Принимая во вниманіе, что студенты Константинъ Богдановъ и Сергѣй Добровъ не представили семестровыхъ сочиненій, а Николай Цыганковъ и Александръ Товаровъ не держали испытаній и не представили семестровыхъ сочиненій вслѣдствіе болѣзненного состоянія, подтвержденнаго свидѣтельствами академическаго и другихъ врачей, — студентамъ К. Богданову, С. Доброву и А. Товарову дозволить подачу семестровыхъ сочиненій послѣ лѣтнихъ каникулъ, студента Н. Цыганкова оставить на повторительный курсъ съ правомъ пользоваться той стипендіей, на которой онъ состоитъ. О разрѣшеніи студенту А. Товарову сдавать экзамены по предметамъ III курса послѣ каникулъ благопочтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

IV. Внесенные предѣдателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ II курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на испытанія, и сочиненіямъ, написаннымъ ими въ теченіе учебнаго года. По рассмотрѣніи сихъ ещѣ

сковъ оказалось, что изъ 45 студентовъ 35 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллы не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3,₅; у одного студента средній балль 3,₈₈, у другаго — 3,₉₂. Студенты: Илья Громогласовъ, Владиміръ Троицкій, Константинъ Тороповъ, Андрей Постниковъ, Владиміръ Поповъ, Михаилъ Свѣтлаевъ и Николай Христодуло не представили семестровыхъ сочиненій по общей церковной исторіи, студентъ Николай Матвѣевъ — по исторіи русскои литературы.

V. Внесенный и. д. Инспектора Академіи, Архимандритомъ Петромъ, списокъ студентовъ II курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію; въ этомъ списокѣ поведеніе 42-хъ студентовъ означено балломъ 5 и 3-хъ студентовъ — балломъ 4.

VI. Прошевія студентовъ II курса:

1) *Владимира Попова*: „Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи отсрочить мнѣ подачу семестроваго сочиненія по общей церковной исторіи до августа мѣсяца текущаго года. Въ свое время я не могъ написать этого сочиненія по болѣзни (малокровіе и кровохарканіе), принудившей меня 4 декабря 1890 года оставить занятія и уѣхать на родину для отдыха и возстановленія силъ. Свидѣтельство объ этой болѣзни академическаго врача было представлено мною О. Инспектору при отъѣздѣ на родину. Кромѣ того я страдалъ весь годъ разстройствомъ нервной системы, о чемъ О. Инспектору также было извѣстно“.

2) *Михаила Свѣтлаева*: „Неоднократно въ теченіе 1890—91 учебнаго года подвергаясь простуднымъ болѣзнямъ, я не могъ написать одного семестроваго сочиненія, именно — по общей церковной исторіи; посему прошу Совѣтъ Академіи дать мнѣ отсрочку для написанія сочиненія на каникулы. Медицинское свидѣтельство при семъ прилагаю“.

3) *Николая Христодуло*: „Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Московскои духовнои Академіи ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о дозволеніи мнѣ отложить второе семестровое сочиненіе по церковной исторіи на лѣтніе каникулы въ виду того, что я въ теченіе мѣсяца находился въ академической больницѣ, что, при неудовлетворительномъ знаніи мною русскаго языка, лишило меня возможности подать означенное сочиненіе въ надлежащее время. При семъ прилагаю медицинское свидѣтельство о моеи болѣзни“.

Справка: Студентамъ — Ильѣ Громогласову, Владиміру Троицкому, Константину Торопову, Андрею Постникову и Николаю

Матвѣеву, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 18 мая сего года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, дозволено подать семестровыя сочиненія послѣ лѣтнихъ каникулъ.

Опредѣлили: 1) Студентовъ II курса: 1. Константина Сильченкова, Сергѣя Казанскаго, Василя Ремезова, Священника Евгенія Мерцалова, 5. Константина Соколова, Священника Сергія Бѣльскаго, Николая Виноградова, Василя Некрасова, Ивана Лаврова, 10. Пикандра Тихомирова, Василя Смирнова, Сергѣя Глаголевскаго, Николая Мошкова, Николая Остроумова, 15. Николая Слезкина, Константина Субботина, Ивана Язвидкаго, Василя Воздвиженскаго, Сергѣя Левитскаго, 20. Василя Покровскаго, Николая Орлова, Александра Красовскаго, Вячеслава Цвѣткова, Василя Воскресенскаго, 25. Михаила Магвицкаго, Петра Сурина, Дмитрія Соколова, Ѳедора Ѳедорова, Николая Писаревскаго, 30. Александра Васильева, Михаила Владыкина, Николая Успенскаго, Константина Демидова, Петра Борисоглѣбскаго, 35. Ивана Орловскаго, Чедомиля Митровича и Ивана Малинина перевести въ слѣдующій курсъ. 2) Студентамъ: Владиміру Попову, Михаилу Свѣтлаеву и Николаю Хрпстодуло дозволить подачу семестровыхъ сочиненій послѣ лѣтнихъ каникулъ.

VII. Внесенные предсѣдателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ I курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на испытаніяхъ, и сочиненіямъ, написаннымъ ими въ теченіе учебнаго года. При разсмотрѣніи сихъ списковъ оказалось, что изъ 53 студентовъ 41 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллы не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3; у 7 студентовъ средній баллъ не менѣе 3,7; у одного студента, сербскаго уроженца Стефана Ювичича, имѣющаго на сочиненіи по библейской исторіи баллъ 2+, средній баллъ 3,2. Студентъ Михайлъ Смирновъ не представилъ семестровыхъ сочиненій по библейской исторіи и словесности, студентъ Ювеналій Тиховскій — по словесности, студентъ Доброславъ Марковичъ — по философіи, студенты Стефанъ Ювичичъ и Симонъ Логадзе не держали испытаній, первый — по латинскому языку, второй — по еврейскому языку; кромѣ того, Симонъ Логадзе не представилъ семестровыхъ сочиненій по философіи и древней гражданской исторіи.

VIII. Внесенный и. д. Инспектора Академіи, Архимандритомъ Петромъ, списокъ студентовъ I курса съ обозначеніемъ балловъ

по ихъ поведенію; въ этомъ списокѣ поведеніе 49 студентовъ означено балломъ 5 и 4-хъ студентовъ — балломъ 4.

IX. Прошенія студентовъ I курса:

1) *Михаила Смирнова*: „Не подавъ въ истекшемъ учебномъ году двухъ семестровыхъ сочиненій: по словесности — вслѣдствіе „остраго воспаления гортани“ и по библейской исторіи — вслѣдствіе „разстройства нервной системы“, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ подать означенныя сочиненія къ 1 сентября сего 1891 года. При семъ честь имѣю присовокупить, что свидѣтельство о первой болѣзни прислано въ Академію врачомъ города Сернухова г. Успенскимъ въ первыхъ числахъ сентября истекшаго года, а относительно второй при семъ представляю удостовѣреніе отъ академическаго врача, совѣтами котораго въ теченіе года я пользовался“.

2) *Ювеналія Тиховскаго*: „По причинѣ воспаления глазъ не подавъ въ срокъ, съ вѣдома и разрѣшенія бывшаго О. Ректора Академіи Преосвященнаго Епископа Христофора, семестроваго сочиненія по словесности, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ подать означенное сочиненіе послѣ лѣтнихъ ваканцій, къ 1 числу сентября мѣсяца текущаго года“.

3) *Доброслава Марковича*: „Поступивъ въ прошедшемъ году въ Московскую духовную Академію безъ знанія русскаго языка, я долженъ былъ употребить много времени на изученіе его. Вслѣдствіе этого я принужденъ былъ первыя два семестровыя сочиненія подать гораздо позже другихъ студентовъ, именно — второе сочиненіе было мною приготовлено къ апрѣлю мѣсяцу. Такимъ образомъ на составленіе третьяго семестроваго сочиненія до окончанія учебнаго года оставалось очень мало времени. Поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи отсрочить мнѣ подачу третьяго семестроваго сочиненія по философіи — до половины августа текущаго года“.

4) *Стефана Товичича*: „Считая себя недостаточно подготовленнымъ въ настоящее время къ экзамену по латинскому языку, такъ какъ въ предшествующіе годы своего ученія я не изучалъ этого языка, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи отсрочить мнѣ экзаменъ по латинскому языку до третьяго курса“.

С п р а в к а: 1) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 11 марта — 7 апрѣля 1869 года, состоявшимся согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ, поставлено въ извѣстность пачальствамъ духовно-учебныхъ заведеній, чтобы они поступающимъ въ сіи заведенія иностранцамъ оказывали всевозможное снисхожденіе какъ на приемъ

ныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, такъ и во время прохожденія наукъ, не стѣсняясь требованіями уставовъ сихъ заведеній. 2) По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 18 мая сего года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, студенту Симону Логадзе разрѣшено подать семестровыя сочиненія по философіи и древней гражданской исторіи и сдать экзамень по еврейскому языку послѣ лѣтнихъ каникулъ.

Опредѣлили: 1) Студентовъ I курса: 1. Леонида Соколова, Ивана Романова, Михаила Сменцовскаго, Алексеѣя Хвощева, 5. Владиміра Ильинскаго, Василя Мещерскаго, Дмитрія Боголюбова, Авенира Полозова, Дмитрія Ширяева, 10. Прокопія Щукина, Алексеѣя Никольскаго, Ивана Никольскаго, Николая Лебедева, Александра Протопопова, 15. Константина Успенскаго, Семена Попова, Александра Пикольскаго, Владиміра Покровскаго, Ивана Ублинскаго, 20. Дмитрія Казанскаго, Константина Счастлива, Николая Молчанова, Александра Знаменскаго, Григорія Мозолевскаго, 25. Пикиту Рождественскаго, Александра Бѣляева, Сергѣя Кулюкина, Евгенія Коганова, Сергѣя Сахарова, 30. Ивана Успенскаго, Дмитрія Садовскаго, Василя Промптова, Якова Воскресенскаго, Вячеслава Тихальскаго, 35. Александра Кедрова, Павла Всѣхсвятскаго, Владиміра Оргійскаго, Александра Покровскаго, Петра Перхоровича, 40. Павла Синайскаго, Николая Дороватовскаго, Василя Раевскаго, Константина Казанскаго, Петра Шумова, 45. Иеродіакона Каллиста, Петра Губкинскаго, Сергѣя Скворцова, Прокопія Явловскаго и Стефана Ювичича перевести въ слѣдующій курсъ. 2) Студентамъ: Михаилу Смирнову, Ювеиалію Тиховскому и Доброславу Марковичу дозволить подачу семестровыхъ сочиненій послѣ лѣтнихъ каникулъ, а студенту Стефану Ювичичу сдачу экзамена по латинскому языку отложить до III курса.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1891 г. Іюл. 25. Утверждается“.

6 іюня.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, всѣ члены Совѣта Академіи.

Слушали: I. Внесенные предсѣдателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ IV курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на годичныхъ испытаніяхъ, кандидатскимъ сочиненіямъ, писаннымъ ими на IV курсѣ, а также

отвѣтамъ и сочиненіямъ ихъ за первые три курса. По разсмотрѣніи сихъ списковъ и составленіи списка за четыре года академическаго курса оказалось, что изъ 50 студентовъ 14 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ не менѣе $4\frac{1}{2}$; 27 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3. — Студенты: Михаилъ Любскій, Леонидъ Церковницкій, Виталій Миропосицкій, Сергій Введенскій, Александръ Кудѣевскій, Сергій Модестовъ, Василій Пробатовъ, Александръ Ильинскій и Николай Вознесенскій не представили кандидатскихъ сочиненій; кромѣ сего, Н. Вознесенскій не держалъ испытаній ни по одному изъ предметовъ IV курса.

II. Отзывы преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ студентовъ IV курса.

1) Отзывъ экстраординарнаго профессора священника Димитрія Касицына о сочиненіи *Василія Арєфьева* на тему: „Условія оправданія челоуѣка по символическимъ книгамъ римско-католическимъ и лютеранскимъ“.

„Можно считать, говорить авторъ, установившимся и общепринятымъ тотъ взглядъ на различіе между римскими католиками и лютеранами въ ученіи объ условіяхъ оправданія челоуѣка, что первые силу оправданія поставляютъ въ зависимость главнымъ образомъ отъ дѣлъ, послѣдніе же только отъ одной вѣры. Но этотъ взглядъ выработался не какъ результатъ внимательнаго изученія источниковъ вѣроученія названыхъ исповѣданій, а былъ подсказанъ историческими событіями изъ первоначальной исторіи реформациі. Споры Лютера и другихъ его сторонниковъ съ католиками, начавшіеся по вопросу объ индульгенціяхъ, весьма часто переходили и сосредоточивались на вопросѣ объ условіяхъ оправданія. Эти споры передаются изъ рода въ родъ и продолжаются въ наше время. Поэтому всякій изслѣдователь, прежде чѣмъ приступить къ изученію символическихъ книгъ, уже имѣетъ традиціонную тенденцію, при свѣтѣ которой заботятся только о томъ, чтобы унаслѣдованное отъ предковъ представленіе о разностяхъ католическаго и лютеранскаго ученія изобразить подробнѣе и выставить болѣе рельефно... При этомъ характерную особенность богословскихъ изслѣдованій по этому вопросу составляетъ то, что здѣсь на ряду съ выдержками изъ символическихъ книгъ непременно фигурируютъ выдержки изъ сочиненій богослововъ и даже, когда идетъ рѣчь о лютеранствѣ, изъ застольныхъ рѣчей Лютера, хотя послѣднія по одному тому, что онѣ застольныя, видкога не

могутъ имѣть рѣшающаго значенія... Этимъ недостаткомъ отличаются даже *символики*... Отсюда опредѣляются тѣ источники, на основаніи которыхъ мы должны излагать католическое и лютеранское ученіе объ условіяхъ оправданія человѣка. Такими источниками должны быть для насъ однѣ *только символическія книги римско-католиковъ и лютеранъ*“.

„Такая, вполнѣ разумная, постановка дѣла придаетъ настоящему сочиненію особенное значеніе и выдѣляетъ его изъ ряда другихъ сочиненій о томъ же предметѣ“.

„Согласно съ высказаннымъ взглядомъ, авторъ предварительно указываетъ символическія сочиненія римско-католическія (въ числѣ 16) и лютеранскія (—5), какими пользовался, и потомъ въ первой главѣ (стр. 22—90) излагаетъ ученіе объ условіяхъ оправданія человѣка по символическимъ книгамъ римско-католическимъ. Здѣсь заслуживаетъ полнаго вниманія, что авторъ приводитъ изъ нихъ многочисленныя свидѣтельства въ доказательство ученія римскихъ католиковъ *объ оправданіи человѣка вѣроу*, тогда какъ по общераспространенному взгляду „Римъ учитъ *объ оправданіи дѣлами*“.

„Съ другой стороны, въ слѣдующей главѣ сочиненія, опять вопреки общераспространенному взгляду, что лютеране учатъ *объ оправданіи одною вѣроу*, авторъ приводитъ многочисленныя свидѣтельства изъ символическихъ книгъ лютеранъ о необходимости *добрыхъ дѣлъ* для спасенія человѣка.

„Все это свидѣтельствуетъ о совершенно новой постановкѣ дѣла въ изслѣдованіи избраннаго предмета и при томъ въ такой степени, что въ концѣ сочиненія (стр. 210—211) самъ авторъ какъ бы недоумѣваетъ, изъ-за чего лютеране и католики спорили и спорятъ по вопросу объ условіяхъ оправданія человѣка, и объясняетъ этотъ споръ только тѣмъ, что лютеране напали не на *символическое* ученіе римской церкви. „Меланхтонъ, опровергалъ католиковъ въ своей Апологіи, нигдѣ не ссылается на ихъ *символическія* книги, а обвиняетъ только схоластиковъ, проповѣдниковъ и т. п.“.

„Сочиненіе вполнѣ удовлетворительно для степени кандидата богословія. Совѣтую автору продолжать изслѣдованіе для представленія его на степень магистра“.

2) Отзывъ ординарнаго профессора Н. Субботина о сочиненіи *Александра Боданова* на тему: „Критическій обзоръ литературы о перстосложеніи для крестнаго знаменія“:

„Задачею сочиненія поставлено разсмотрѣть литературу о пер-

стосложеніи для крестнаго знаменія собственно по нашимъ полемическимъ, противъ раскола, сочиненіямъ. Прежде нежели приступить къ дѣлу, авторъ, въ предисловіи, даетъ краткое, но обстоятельное изложеніе ученія раскольниковъ о перстосложеніи и ихъ доводовъ въ защиту двуперстія, поставивъ главнымъ для сего источникомъ „Поморскіе отвѣты“, какъ сочиненіе, въ которомъ это ученіе и эти доводы выражены съ наибольшей полнотой и обстоятельностью. Затѣмъ, раздѣливъ сочиненіе на три главы, онъ разсматриваетъ подробно сказанное о перстосложеніи для крестнаго знаменія въ слѣдующихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола: а) въ „Жезлѣ правленія“ и „Увѣтѣ“, б) въ „Розыскѣ“ и „Пращицѣ“, в) въ „Обличеніи неправды раскольниковъ“, „Увѣщаніи“ М. Платона и „Отвѣтахъ“ архіеп. Никифора; въ заключеніе же кратко говоритъ о новѣйшей православной литературѣ по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія. При разсмотрѣніи указанныхъ сочиненій авторъ а) излагаетъ взглядъ каждаго сочинителя на вопросъ о перстосложеніи и содержаніе сказаннаго имъ по сему вопросу, б) указываетъ достоинства и недостатки у каждаго изъ нихъ какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ доказательствахъ и способахъ доказательства по разсматриваемому вопросу, в) производитъ сравненіе послѣдующихъ сочиненій съ предъидущими, стараясь указать, что каждый писатель вноситъ новаго и оригинальнаго, въ сравненіи съ предъидущими, въ полемическую литературу противъ раскола по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія.

„Опредѣливъ вполне правильно задачу сочиненія и начертавъ для ея исполненія столь же правильный планъ, авторъ въ самомъ исполненіи своей задачи показалъ достаточное знакомство съ литературой предмета. Критическіе приемы, употребленные имъ для оцѣнки сужденій въ каждомъ изъ поименованныхъ полемическихъ сочиненій по вопросу о перстосложеніи и доказательствъ какъ въ защиту троеперстія, такъ и противъ древности и мнимой предпочтительности двуперстія, а равно и самая оцѣнка большею частію вѣрны. Только было бы желательнѣе видѣть болѣе полноты и обстоятельности въ указаніи сравнительнаго достоинства сужденій по вопросу о перстосложеніи у раннѣйшихъ и позднѣйшихъ полемическихъ писателей и въ указаніи постепеннаго умноженія доказательствъ въ защиту троеперстія, также постепеннаго улучшенія въ постановкѣ прежнихъ доводовъ и устраненія доказательствъ, невыдерживающихъ строгой критики. На эту важную сторону дѣла

авторъ обратилъ не столь много вниманія, какъ бы слѣдовало. Въ особое достоинство сочиненія должно поставить правильное, точное и ясное его изложеніе. Вообще, сочиненіе заслуживаетъ полной похвалы“.

3) Отзывъ его-же о сочиненіи *Ивана Богданова* на тему: „Взглядъ первыхъ расколоучителей на церковь грекороссійскую“:

„Сочиненіе г. Богданова состоитъ изъ трехъ огромныхъ книгъ въ форматѣ большаго почтоваго листа, писанныхъ весьма убористымъ почеркомъ и составляющихъ въ общей сложности 1492 страницы. Къ сочиненію приложенъ указатель источниковъ и пособій, коими пользовался авторъ для своего труда. Число указанныхъ здѣсь книгъ, книжекъ и статей восходитъ до 162. Само собою понятно, что въ теченіе одного учебнаго года изучить, даже прочитатъ, или пересмотрѣть со вниманіемъ такое количество сочиненій и, пользуясь ими, написать сочиненіе почти съ 1500 страницъ — трудъ колоссальный; чтобы исполнить его, хотя бы съ нѣкоторымъ совершенствомъ, для этого требовались и великое усердіе къ труду и очень большія силы умственныя и физическія. Отдавая полную справедливость замѣчательному трудолюбію автора, съ сожалѣніемъ должно сказать, что онъ не достигъ въ своемъ трудѣ даже и малаго совершенства. Его сочиненіе есть не что иное, какъ сборъ обширнаго матеріала, которымъ собиратель не умѣлъ и не могъ распорядиться по надлежащему, въ которомъ большею частію самъ путается, отчего и впадаетъ въ постоянныя повторенія. Недостатокъ этотъ много зависѣлъ отъ того, что авторъ не составилъ точнаго и стройнаго плана для своего сочиненія. Онъ дѣлитъ сочиненіе на пять частей: въ *первой* излагаетъ „взглядъ расколоучителей на церковь грекороссійскую, какъ на хранительницу догматовъ вѣры“, во *второй* — взглядъ ихъ на церковь „какъ на управительницу вѣрующихъ“, въ *третьей* — „какъ на органъ освященія вѣрующихъ“, въ *четвертой* — „какъ на устроительницу ви́шней стороны богослуженія“, въ *пятой* — взглядъ ихъ на великороссійскую церковь „въ ея взаимоотношеніи къ разнымъ христіанскимъ церквамъ и государственной власти Руси“. Подъ эти рубрики онъ подводитъ, и не всегда вѣрно, всѣ частныя вопросы о церкви, которыхъ касались расколоучители. Но и главныя дѣленія и частныя подраздѣленія таковы, что постоянно приводятъ автора къ повтореніямъ, почему и приходится по нѣскольку разъ читатъ у него однѣ и тѣ-же выписки изъ раскольническихъ сочиненій. Выписки эти, и сами по себѣ

чрезмѣрно пространныя, дѣлаются при томъ весьма неискуснымъ способомъ: авторъ обыкновенно распространяетъ ихъ введеніемъ своихъ собственныхъ фразъ, въ видѣ поясненія ихъ содержанія. Широковѣщательность, съ претензіями на современный литературный языкъ, съ частымъ, надобѣдающимъ повтореніямъ нѣкоторыхъ понравившихся автору (и совсѣмъ напрасно) выраженій и словъ, съ отступленіями неумѣстнаго обличительнаго характера, также весьма вредитъ сочиненію и много способствовала расширенію его до такихъ необыкновенныхъ размѣровъ. Вообще, сочиненіе требуетъ полной переработки для приведенія его въ надлежащій порядокъ и для очищенія отъ излишествъ и промаховъ. При всемъ томъ нельзя не отдать автору справедливости за рѣдкое его трудолюбіе. Полагаю, поэтому, что сочиненіе г. Богданова даетъ ему право на полученіе степени кандидата“.

4) Отзывъ и. д. доцента А. Введенскаго о сочиненіи *Сергія Боюлявенскаго* на тему: „Религіозно-нравственный элементъ въ воззрѣніяхъ некультурныхъ народовъ“:

„Работа большая, серьезная и обнаруживающая пониманіе дѣла. Точка зрѣнія на предметъ правильная: религіозно-нравственныя воззрѣнія некультурныхъ народовъ — первая ступень развитія въ порядкѣ логическомъ, но въ историческомъ (т. е. простѣйшая, открываемая анализомъ, а потому и наиболѣе грубая, несовершенная форма общечеловѣческой религіи и морали). Обобщеніями и выводами сочиненіе не богато; но за то сказанное въ немъ обыкновенно утверждается на точномъ основаніи фактовъ этнографіи, которыми авторъ располагаетъ свободно и умѣло. Главный недостатокъ сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ сравнительно мало пользуется первоисточникомъ (Вайтцемъ) и находится въ слишкомъ большой зависимости отъ источниковъ вторыхъ (Спенсера, Тэйлора, Леббока и Роскова). Это, правда, не влечетъ за собою какихъ нибудь существенныхъ недостатковъ, — такъ какъ къ теоріи эволюціи авторъ относится съ критическою осторожностью, — но нѣсколько уменьшаетъ его заслугу. Можно также упрекнуть автора въ томъ, что онъ сравнительно мало вниманія удѣлялъ религіозному элементу въ воззрѣніяхъ некультурныхъ народовъ (хотя это, повидимому, произошло по независящимъ отъ него обстоятельствамъ — вслѣдствіе необходимой отлучки изъ Академіи). Въ особенную заслугу автору слѣдуетъ поставить тотъ критическій тактъ „съ которымъ онъ сумѣлъ расположить разнохарактерный и громоздкій этнографическій матеріалъ въ виду

своей задачи — показать присутствіе въ сознаніи некультурнаго человѣка этическихъ и религіозныхъ элементовъ и установить ихъ взаимное отношеніе. Именно вслѣдствіе этого сочиненіе получаетъ безспорный апологетическій интересъ (хотя авторъ и не разъясняетъ этой стороны дѣла подробно, что также слѣдуетъ поставить ему въ вину). Въ литературномъ отношеніи сочиненіе почти безупречно.

„На степень кандидата богословія разсматриваемое сочиненіе даетъ его автору полное право“.

5) Отзывъ доцента М. Муретова о сочиненіи *іеромонаха Григорія (Борисоальбскаго)* на тему: „Третіе великое миссіонерское путешествіе Св. Ап. Павла (историко-экзегетическое изслѣдованіе Дѣян. XVIII, 22 — XXI, 16 и Гал. II, 11—22)“:

„Сочиненіе представляетъ собою исторической, археологической, географической, филологической и богословской комментарий на описываемое въ указанномъ отдѣлѣ книги Дѣяній Св. Апостоловъ и относящемся сюда мѣстѣ изъ второй главы посланія къ Галатамъ, такъ называемое, третье великое путешествіе Св. Ап. Павла съ цѣлю благовѣствованія Слова Божія, основанія и устройства церковей христіанскихъ. Кромѣ краткаго *предисловія* (стр. 1—18) о значеніи этого путешествія въ исторіи Апостольской, о задачѣ, планѣ, источникахъ и пособіяхъ для научно-богословскаго изслѣдованія предмета, — сочиненіе состоитъ изъ *семи* главъ: *первая* изслѣдуетъ вопросы, касающіеся четвертаго (краткаго) посѣщенія Іерусалима Св. Ап. Павломъ, въ связи съ начальнымъ планомъ третьяго путешествія (стр. 19—181); — *вторая* говоритъ о спутникахъ Св. Ап. Павла при началѣ путешествія (стр. 182—263); въ *третьей* описывается путь Св. Ап. Павла отъ Іерусалима до Антіохіи (стр. 264—430); *четвертая* описываетъ пребываніе Св. Ап. Павла въ Антіохіи и подробно изслѣдуетъ падающее на это время и описанное въ Гал. 2, 11—22 событіе (стр. 431—487); въ *пятой* изображается Ефесъ ко времени прибытія сюда Св. Ап. Павла (Дѣян. 18, 13—28; стр. 487—582); *шестая* посвящена благовѣстнической дѣятельности Св. Ап. Павла на пользу Церкви Ефесской (Дѣян. 19, 1—20; стр. 583—673); *седьмая* содержитъ описаніе благовѣстническихъ трудовъ Св. Ап. Павла во время пребыванія его въ Ефесѣ для другихъ церковей и заканчивается отбытіемъ Апостола изъ Ефеса (Дѣян. 19, 21—20, 1; стр. 674—714). Подробнѣе съ содержаніемъ сочиненія можно ознакомиться по имѣющимся въ началѣ главъ конспективнымъ обзорѣніемъ ихъ.

„Задача труда автора состояла въ самостоятельномъ изученіи, тщательной провѣркѣ и отчасти — систематизаціи того экзегетическаго матеріала, какой доселѣ выработанъ наукою для всесторонняго изясненія третьяго путешествія Св. Ап. Павла. И эту задачу авторъ исполнилъ съ достохвальнымъ трудолюбіемъ, замѣтнымъ усердіемъ, полнымъ знаніемъ дѣла и совершенно удовлетворительною научною опытностію. Авторъ изучилъ: а) истолковательные труды — древніе: св. Златоуста, блаж. Теофилакта, катены Крамера и цитаты у Миня въ *Scripturae Sacrae cursus completus* 23 томъ, — и позднѣйшіе: Сильвеира, Гуниа, Корнелія а Ляпида, Квиноэля, Массля, Баумгартена, Штарра, Мейера, Ольсгаузена и Преосв. Михаила; б) труды библейско-историческіе: Преосв. Иннокентія, прот. Горскаго, Шеандера, Фаррара, Кренкеля, Гаусрата, и Ренана; в) спеціальныя пособія по географіи, исторіи и хронологіи: Норова, Визелера, Риттера, Киперта, Рисса, и статьи въ словаряхъ: Герцога, Рима, Винера, Верховскаго, прот. Солярскаго; г) филологическія пособія: Шлейснера, Валя, Вилькія, Ширлица, Винера. Въ особую похвалу надо вмѣнить автору то, что собранный имъ изъ всѣхъ указанныхъ пособій научно-экзегетическій матеріалъ онъ тщательно провѣрилъ по первоисточникамъ: Геродоту, Полибію, Страбону, Плинію, Іосифу Флавію, Тациту, Филострату и Стефану Византійскому, такъ что цитація его отличается полнотою и научною точностію. Изложеніе простое и вполне соответствующее предмету, хотя нѣсколько растянутое и иногда нѣсколько необработанное въ литературномъ отношеніи. Какъ въ частныхъ объясненіяхъ священнаго текста, такъ и въ общей постановкѣ труда авторъ, по самому существу дѣла, не могъ быть оригинальнымъ въ строгомъ смыслѣ слова. Но его трудъ представляетъ первую самостоятельную, строго научную и полную обработку даннаго отдѣла апостольской исторіи — въ истинно православномъ духѣ, такъ что въ своемъ законченномъ видѣ и при неважныхъ стилистическихъ исправленіяхъ сочиненіе автора составитъ дѣльную магистерскую диссертацию, весьма не бесполезную для православно-русской богословской литературы, какъ восполненіе къ трудамъ прот. А. В. Горскаго, преосв. Иннокентія и частію даже Фаррара, въ трудахъ коего нерѣдко проглядываетъ инославное направленіе. По всемъ указаннымъ достоинствамъ своимъ сочиненіе не только вполне достойно кандидатской степени, но и заслуживаетъ полнаго одобренія и наивысшей отмѣтки“.

6) Отзывъ ординарнаго профессора Е. Голубинскаго о сочиненіи *Антоня Бочковскаго* на тему: „Заслуги Теофана Прокоповича для русской церкви въ борьбѣ съ суевѣріями“:

„Слову „суевѣріе“ авторъ придаетъ гораздо болѣе обширный смыслъ, нежели въ какомъ слово это употребляется обыкновенно; онъ разумѣетъ подъ суевѣріями вообще все то темное въ старорусской церковной жизни, противъ чего ратовалъ Теофанъ Прокоповичъ. Главные недостатки сочиненія суть: несовершенная отчетливость общаго плана, такъ что отдѣлы входятъ одинъ въ другой, смѣшиваясь одинъ съ другимъ, и несовершенная послѣдовательность и стройность въ изложеніи частныхъ мыслей въ каждомъ отдѣлѣ. Авторъ занимался своимъ дѣломъ очень усердно и, успѣвъ собрать матеріалъ очень значительный, даетъ въ своемъ сочиненіи очеркъ подлежащей борьбы Теофана Прокоповича въ достаточной мѣрѣ обстоятельный и удовлетворительный. Сочиненіе должно быть признано за хорошее очень“.

7) Отзывъ его же о сочиненіи *Прокла Бычковскаго* на тему: „Постановленія Стоглаваго собора относительно монашества“:

„Сочиненіе г. Бычковскаго состоитъ изъ трехъ главъ: въ первой главѣ авторъ изображаетъ состояніе русскаго монашества отъ его начала до времени Стоглаваго собора; во второй главѣ излагаетъ постановленія собора относительно монашества; третью главу посвящаетъ вопросу о происхожденіи постановленій, именно— что въ послѣднихъ должно быть усвоено царю, что митрополиту и что прочимъ членамъ собора.

„Состояніе монашества до времени Стоглаваго собора изображается авторомъ достаточно вѣрно и обстоятельно; опредѣленія собора передаются имъ полно; въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи постановленій не во всемъ можно съ нимъ согласиться, но вопросъ этотъ по самому существу своему есть вопросъ спорный и нерѣшимый положительно. Большое усердіе къ дѣлу видно во всемъ трудѣ. Сочиненіе должно быть признано хорошимъ очень“.

8) Отзывъ дацента М. Муретова о сочиненіи *Николая Бѣжанова* на тему: „Притчи Господа Нашего Іисуса Христа“:

„Трудъ начинается *введеніемъ*, состоящимъ изъ слѣдующихъ краткихъ параграфовъ: 1 — общее понятіе о притчѣ, 2 — сущность притчи, 3 — евангельская притча и ея отличительныя черты, 4 — общее содержаніе евангельскихъ притчей и ихъ систематизація, 5 — хронологическій порядокъ притчей, 6 — предметная классификація притчей, 7 — сравнительныя достоинства приточной

рѣчи, 8 — цѣль притчи, 9 — совершенство евангельскихъ притчей и ихъ превосходство надъ талмудическими, 10 — таинственность притчей, 11 — методъ и главныя правила православно-научнаго экзегеза притчей, 12 — источники и пособія для изученія евангельскихъ притчей. Затѣмъ авторъ подробно *толкуеть* слѣдующія евангельскія притчи: 1) Домоправитель неправды (Лук. 16, 1—14), 2) Пронавшая овца (Лук. 14, 3—8; Мат. 18, 12—14), 3) Потерянная драхма (Лук. 15, 8—10), 4) Блудный сынъ (Лук. 15, 11—32), 5) Богачъ и Лазарь (Лук. 16, 19—31), 6) Работники въ виноградникѣ (Мат. 20, 1—16), 7) Злой рабъ (Мат. 18, 21—35), 8) Безумный богачъ (Лук. 12, 16—22), 9) Безплодная смоковница (Лук. 13, 6—9), 10) Злые виноградари (Мат. 21, 33—43; Марк. 12, 1—9; Лук. 20, 9—19).

„Для составленія труда авторъ изучилъ и широко воспользовался не только всѣми наилучшими обще-экзегетическими пособіями иностранными: Корвеля а-Тяпида, Мальдоната, Роземюллера, Квиццоля, Мопера, Гофмана, Ольсгаузена, Годъ, Набе, Лайтфута, Шейтгена и Вюшисе, — но и многими и превосходными специальными работами: Ариэта, Циммермана, Шульце, Лиско, Тренча, Габеля и др. и многими журнальными статьями — русскими и иностранными. Изъ древнихъ авторъ самостоятельно цитуетъ: бесѣды *св. Златоуста* на Матфея, къ Антиохійскому народу, на разные случаи и разныя мѣста Священнаго Писанія (въ русскомъ переводѣ С. П. Б.), *св. Иринея* противъ ересей (по рус. пер.), *Августина* (по Париж. изд. 2-е 1836 г.), *св. Аμβросія Медиоланскаго* (по Венец. изд. 1781 г., Париж. 1686 и русскому переводу избранныхъ мѣстъ 1807 г.), *Иларія Пуатьесскаго* (Париж. изд. 1693 г.), *св. Василія Великаго*, *св. Григорія Богослова*, *св. Григорія Нискаго*, *Иеронима*, *св. Кирилла Александріискаго*, *Феодорита*, *Исидора Пелусіота*; *Феофилакты*, *Евмелія Змбена* и др. (по русскимъ переводамъ). Пользованіе этимъ, хотя уже и разработаннымъ въ специальныхъ трудахъ иностранныхъ, древне-экзегетическимъ матеріаломъ заслуживаетъ полнаго одобренія и особеннаго сочувствія. Съ особенною похвалою должно отнести также и къ тому, что авторъ преимущественно черпаетъ у иностранныхъ ученыхъ археологическій и филологическій матеріалъ, необходимый для всесторонняго изясненія евангельскихъ притчей. Вообще, что касается до археологическо-филологическаго толкованія вышепоименованныхъ притчей Господа, то въ этомъ отношеніи почти не остается желать отъ автора ничего большаго.

Совершенно удовлетворительно также и нравственно-догматическое изъясненіе каждой въ отдѣльности притчи. Но въ сочиненіи замѣтенъ недостатокъ общей религіозно-нравственной идеи, раскрывающейся съ своихъ частныхъ сторонъ въ каждой отдѣльной притчѣ и связывающей ихъ въ одно органически-стройное цѣло. Вслѣдствіе этого сочиненіе имѣетъ видъ, хотя и обстоятельнаго, строго научнаго и всесторонняго толкованія отдѣльныхъ притчей, но оно не представляетъ внутренняго единства системы. Въѣшнимъ недостаткомъ сочиненія должно признать пѣкоторую необработанность языка и встрѣчающуюся по мѣстамъ его вычурность и витѣчатость. Впрочемъ, принимая во вниманіе вышеуказанныя научныя достоинства сочиненія съ одной стороны, и срочность работы и обширность темы — съ другой, разсматриваемый трудъ какъ по его въѣшнему объему, такъ и по его содержанію надо признать вполне удовлетворительнымъ для кандидатской степени, достойнымъ полного одобренія и заслуживающимъ весьма хорошеіи отмѣтки“.

9) Отзывъ его же о сочиненіи *Георгія Вахмина* на тему: „Явленія Воскресшаго Господа Своимъ ученикамъ“:

„Кромѣ маленькаго приступа (1—5 стр.), сочиненіе состоитъ изъ слѣдующихъ небольшихъ трактатіи: въ *исаиинской* части: 1, дѣйствительность явленій Воскресшаго Господа своимъ ученикамъ (стр. 6—79); 2, характеръ и значеніе явленій Воскресшаго Господа своимъ ученикамъ (стр. 80—113); 3, мѣсто и время явленій (стр. 114—151); 4, ихъ число и порядокъ (стр. 152—170); въ части *евангелической*: 1, пришествіе жонъ мироносицъ ко гробу Господню и возвращеніе Маріи Магдалины къ Петру и Іоанну (стр. 171—190); 2, воскресеніе Господа (стр. 191—195); 3, благовѣстіе Ангела мироносицамъ о воскресеніи Христа (стр. 195—218); 4, прибытіе Ап. Петра и Іоанна ко гробу Господню (стр. 218—232); 5, явленіе Воскресшаго Господа Маріи Магдалинѣ (стр. 232—259); 6, вѣсть стражей гроба Господня, принесенная архіереямъ (стр. 259—270); 7, явленіе Господа двумъ ученикамъ, идшимъ въ Еммаузъ (стр. 271—309); 8, явленіе Господа своимъ ученикамъ въ день воскресенія (стр. 310—334); 9, явленіе Господа ученикамъ въ восьмой день по воскресеніи (стр. 335—346) и наконецъ 10, явленіе Господа ученикамъ при Галилейскомъ озерѣ (Іоан. 21 гл.; стр. 347—428).

„Для составленія работы авторъ изучилъ: а) относящіяся къ темѣ новѣйшія отрицательно-раціоналистическія сочиненія—Шлей-

ермахера, Павлюса, Бунзена, Штрауса, Газе, Кейма; б) труды, написанные въ положительно-апологетическомъ духѣ — Штейнмейера, Годэ, Кейля, Эбрарда, Лютардта, Генгстенберга, Блека, свящ. Петропавловскаго, Соболева и другихъ; изъ древне-церковныхъ писателей авторъ самостоятельно изучалъ: св. Златоуста, блаж. Августина, блаж. Теофилакта и Евонія Зигабина. Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ способность къ самостоятельной работѣ при пользованіи инославными положительно-апологетическими трудами, тонкую критическую проницательность и основательность при разборѣ отрицательно-раціоналистическихъ воззрѣній и полное умѣнье держать въ должныхъ границахъ литературной дозволенности заимствованія изъ русскихъ и иностранныхъ книгъ, служившихъ прямымъ пособіемъ автору для составленія труда. Но особенно выдающимся достоинствомъ сочиненія г. Вахнина служить далеко незаурядная по нынѣшнему времени краткость, обработанность, ясность и отчетливость изложенія, — свойства, благодаря коимъ сочиненіе получаетъ характеръ строго продуманной работы, доставляющей большое удовольствіе читателю своею истинно краснорѣчивою простотою и истинно ученою художественностью. Можно бы пожелать отъ автора спеціальнаго разбора мисіологическаго объясненія, побольше филологическихъ изслѣдованій и археологическихъ свѣдѣній. Но, какъ кандидатское разсужденіе, трудъ г. Вахнина вполне удовлетворяетъ своему назначенію и заслуживаетъ похвалы автору“.

10) Отзывъ ординарнаго профессора В. Ключевскаго о сочиненіи *Николая Виноградскаго* на тему: „Церковный соборъ въ Москвѣ 1681 г., происхожденіе и значеніе его постановленій“:

„Сочиненіе студента Виноградскаго есть опытъ историко-критическаго изученія дѣяній одного изъ Московскихъ церковныхъ соборовъ, имѣвшаго немаловажное значеніе въ исторіи русской церкви. Авторъ разрѣшаетъ поставленную ему задачу въ такомъ порядкѣ. Распредѣливъ царскія предложенія собору и соборныя постановленія по содержанію тѣхъ и другихъ, онъ излагаетъ и, гдѣ нужно, объясняетъ каждое предположеніе и постановленіе, потомъ изслѣдуетъ историческія условія, которыми было внушено то и другое, и наконецъ старается прослѣдить практическое исполненіе каждаго соборнаго постановленія и на основаніи этого оцѣнить значеніе дѣятельности собора. Авторъ очень дѣльно объяснилъ происхожденіе многихъ царскихъ предложеній и соборныхъ постановленій 1681 г. помощію историческаго изученія явленій,

которыхъ они касались, для чего имъ собранъ значительный запасъ данныхъ, извлеченныхъ какъ изъ древнихъ памятниковъ нашей исторіи, такъ и изъ сочиненій ея изслѣдователей. Можно было бы пожелать болѣе обстоятельнаго разбора немногихъ уцѣлѣвшихъ актовъ разсматриваемаго авторомъ собора. Еще болѣе замѣтнымъ пробѣломъ въ трудѣ автора является то, что дѣятельность собора 1681 г. не приведена въ связь съ общимъ планомъ реформъ въ церковномъ и госуларственномъ управленіи, задуманныхъ въ царствованіе Осодора, какъ о томъ можно судить по сохранившимся документамъ того времени. Впрочемъ, трудъ студента Вишградскаго можно признать очень удовлетворительнымъ“.

11) Отзывъ ординарнаго профессора В. Кудрявцева о сочиненіи *Александра Вигессенскаго* на тему: „Религіозный агностицизмъ Г. Спенсера“:

„Во вступленіи (1—24) авторъ, послѣ краткаго очерка религіозныхъ и философскихъ мнѣній объ абсолютной непознаваемости Божества, а) опредѣляетъ спеціальнѣйшій предметъ своего сочиненія, — „изслѣдовать агностицизмъ, возникшій на почвѣ опытной философіи, — именно агностицизмъ Г. Спенсера“ (1—15); б) указываетъ ближайшую задачу своего изслѣдованія, его планъ и методъ (15—24).

„1. Въ первой части своего сочиненія (24—87) авторъ излагаетъ философское ученіе Спенсера о непознаваемости Божества, — въ частности: а) его ученіе о методѣ, при помощи котораго должно быть отыскано всеобщее и истинное понятіе о высочайшей причинѣ бытія среди массы религіозныхъ заблужденій и въ связи съ этимъ — его критику теистическаго понятія о Богѣ; б) его положительныя доказательства непознаваемости абсолютнаго на основаніи разсмотрѣнія природы и свойствъ нашего познанія; в) его мнѣніе о возможности и необходимости религіи съ точки зрѣнія агностицизма

„2. Изложеніемъ ученія Спенсера опредѣляется для автора и порядокъ слѣдующихъ затѣмъ „критическихъ замѣчаній о его религіозномъ агностицизмѣ“

„Въ первой главѣ опять указываетъ недостатки метода Спенсера, какъ вообще (87—102), такъ и особенно въ примѣненіи его къ религіознымъ вѣрованіямъ. Разсматриваетъ и усугубляетъ мнѣнія противорѣчія, находящіяся въ теистическомъ понятіи о Богѣ какъ самимъ Спенсеромъ, такъ особенно Мацелемъ, которымъ пользовался Спенсеръ, вездѣ впрочемъ точно излагая его мнѣнія (102—219).

„Во второй главѣ (219—275) авторъ подвергаетъ критику положительныя доказательства Спенсера съ одной стороны въ пользу дѣйствительнаго существованія абсолютнаго, съ другой — его полной непознаваемости. Результаты своей критики онъ формулируетъ такимъ образомъ: 1, что касается до ученія о реальномъ бытіи абсолютнаго, то съ своей точки зрѣнія Спенсеръ не можетъ обосновать этой истины; въ ученіи объ этомъ онъ противорѣчитъ самъ себѣ и „его доказательства реальности абсолютнаго идутъ въ разрѣзъ съ его же собственными доказательствами о его непознаваемости“. 2. „Природа нашего познанія не можетъ служить препятствіемъ къ познанію абсолютнаго; изъ относительности нашего познанія слѣдуетъ только то, что мы не можемъ имѣть совершеннаго, адекватнаго познанія о Богѣ, а не вообще всякаго познанія“ (274. 275).

„Въ третьей главѣ (275—320) авторъ съ цѣлію яснѣшаго раскрытія несостоятельности ученія Спенсера о непознаваемости абсолютнаго, изложеннаго въ первой части его „Основныхъ началъ“ разсматриваетъ это учене въ связи съ общими принципами его философіи, — ставитъ вопросъ: „согласно ли его положеніе о непознаваемости абсолютнаго съ другими положеніями его системы?“ (277), — и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, сравнивая его положеніе какъ съ мыслями, изложенными въ другихъ сочиненіяхъ Спенсера, главнымъ образомъ въ его „Основаніяхъ психологіи“.

„Въ главѣ четвертой (320—332) авторъ высказываетъ нѣсколько замѣчаній о значеніи, какое Спенсеръ приписываетъ своему агностицизму въ области религіи.

„Не смотря на кажущуюся ограниченность содержанія (ученіе собственно о религіозномъ агностицизмѣ занимаетъ всего двѣ главы въ „Основныхъ началахъ“ Спенсера), тема, избранная авторомъ, представляла значительныя трудности. Въ защиту своего ученія Спенсеръ указываетъ съ одной стороны на мнимыя противорѣчія, заключающіяся въ теистическомъ понятіи о Богѣ, съ другой — на законы и свойства нашего познанія. Для опроверженія его ученія автору необходимо было входить въ разъясненіе самыхъ трудныхъ и отвлеченныхъ философскихъ понятій о безконечномъ, абсолютномъ, о природѣ и личности Божества, объ отношеніи Бога къ міру и др.; необходимо было гносеологическое раскрытіе истиннаго метода и свойствъ нашего познанія. Это требовало обстоятельнаго знакомства съ философскимъ и богослов-

скимъ рѣшеніемъ важнѣйшихъ метафизическихъ и гносеологическихъ проблеммъ. Въ этомъ дѣлѣ, какъ, справедливо замѣтилъ авторъ (22—23), ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ ояъ не имѣлъ прямыхъ пособій въ виду специальныхъ изслѣдованій о религіозномъ агностицизмѣ Спенсера. Трудъ его не комплиментивный, а самостоятельный.

„Указанныи нами особенности темы, избранной г. Вознесенскимъ, тѣмъ болѣе возвышаютъ несомнѣнное достоинство его сочиненія, въ которомъ ояъ представляетъ намъ вполне обстоятельную критику агностицизма Спенсера, при чемъ приняты имъ во вниманіе не только тѣ главы его „Основныхъ началъ“, гдѣ изложено преимущественно его ученіе, но и другія сочиненія этого философа. Въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ ояъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за теченіемъ мыслей Спенсера, тонко и мѣтко обнаруживаетъ заключающіяся въ нихъ противорѣчія и правильно разрѣшаетъ представляемая имъ возраженія противъ теистическаго понятія о Богѣ. Ходъ его собственныхъ мыслей отличается строгою послѣдовательностью; изложеніе стройно и ясно.

„Какъ на недостатки его сочиненія можемъ указать: 1, на нѣкоторыя повторенія, въ немъ встрѣчающіяся, что зависѣло впрочемъ отъ плана сочиненія. Авторъ спачала изложилъ въ цѣльномъ, систематическомъ очеркѣ ученіе Спенсера; но въ дальнѣйшей, детальной критикѣ этого ученія ояъ иногда по необходимости, чтобы избѣгать неясности, долженъ былъ повторять тѣ положенія, которыя изложилъ въ первой части своего сочиненія. 2, На не совсемъ правильное и отчетливое опредѣленіе взаимоотношенія между существіемъ и акциденціями (165—170). 3, На болѣе слабую сравнительно съ предшествующими главами обработку четвертой главы, гдѣ разсматривается ученіе Спенсера о значеніи его агностицизма для религіи.

„Авторъ, строго ограничившись предѣлами своей темы, даетъ намъ только критику воззрѣній Спенсера. Для полноты сочиненія можно бы пожелать, чтобы независимо отъ критики оно дало намъ и положительное раскрытіе ученія о степени доступнаго для человѣка познанія о Богѣ и разъяснило, что въ понятіи о Богѣ должно быть отнесено къ области познаваемаго и что — непостижимаго. Авторъ впрочемъ и самъ чувствовалъ необходимость подобнаго разъясненія и не безъ основанія въ извиненіе свое указалъ на то, что для обстоятельнаго рѣшенія вопроса о естественномъ богопознаніи и его границахъ потребовался бы гораздо болѣйшій срокъ

времени, чѣмъ тотъ, которымъ располагалъ онъ для написанія курсоваго сочиненія (339).

„Сочиненіе г. Вознесенскаго я признаю вполне достаточнымъ для полученія степени кандидата богословія“.

12) Отзывъ доцента А. Шостына о сочиненіи *Николая Глаголева* на тему: „Пастырское служеніе по воззрѣніямъ русскихъ святителей XIII—XV вв.“:

„Въ краткомъ введеніи (7—14 стр.) авторъ старается выяснитъ, какое значеніе для дѣятельности современнаго нашего духовенства можетъ имѣть знакомство съ воззрѣніями на пастырское служеніе древне-русскихъ святителей, особенно жившихъ въ періодъ XIII—XV вв., въ періодъ „переходный отъ удѣльно-вѣчеваго уклада къ единоподержавному“, „самый тяжелый въ жизни русскаго народа вообще и въ жизни русскаго духовенства въ частности“, когда „запросы современной жизни по отношенію къ духовенству были особенно сильны“. Въ своемъ прошломъ, — разсуждаетъ авторъ, — православное духовенство найдетъ совѣтъ, наставленіе, ободреніе, укрѣпленіе въ предстоящей ему великой миссіи... Заглядывая на страницы русской исторіи XIII—XV вв., мы увидимъ, что и въ то время, подобно настоящему, на пастырей церкви возлагались большія надежды, отъ нихъ ожидалось многое; мы увидимъ, что тогда среди іерарховъ русскихъ жило глубокое сознаніе своей нравственной силы и широкой, имъ предстоящей, миссіи, — сознаніе, ослабленное со временъ Петра Великаго и пробуждающееся снова въ настоящее время“ (стр. 10—12). Всѣ эти вступительныя разсужденія г. Глаголева нельзя назвать удачными. Историческія замѣчанія его отличаются крайнею общностью и бездоказательностію; остается напр. совѣтъ невыясненнымъ, какое именно особенное значеніе для русскихъ пастырей имѣлъ указанный переходъ отъ системы удѣльныхъ княжествъ къ монархическому единовластію и почему въ этотъ переходный періодъ запросы жизни къ духовенству были *особенно сильны*; ни на чемъ также не основано и ничѣмъ не подтверждено смѣлое заявленіе, будто со временъ Петра Великаго въ духовенствѣ нашемъ было ослаблено прежнее глубокое сознаніе своей нравственной силы и широкой миссіи, и что это сознаніе снова *начинаетъ пробуждаться лишь* въ настоящее время. Что же касается практически-назидательной цѣли, какую поставилъ себѣ авторъ и которая проходитъ чрезъ все почти изслѣдованіе, то съ нею тѣсно связанъ наиболѣе важный и существенный недостатокъ сочиненія: благодаря ей оно

утратило характер *объективно-историческій*, который должно было бы имѣть по преимуществу. Отыскивая въ древне-русскихъ святигельскихъ произведеніяхъ „совѣтъ, наставленіе, ободреніе и укрѣпленіе“ для современнаго духовенства, авторъ многія воззрѣнія лишь указываетъ, но не объясняетъ исторически (напр. запрещеніе вдовымъ священникамъ священнодѣйствовать — оставлено безъ объясненія очевидно потому, что изъ него нельзя было извлечь практическаго совѣта и наставленія для современныхъ пастырей); а кромѣ того, въ концѣ концовъ является такой заключительный выводъ, который ничѣмъ другимъ нельзя объяснить, какъ только излишнимъ увлеченіемъ автора этою самою цѣлью назиданія. Именно, въ заключеніи всего изслѣдованія мы читаемъ: „Если бы идеаль пастырскаго служенія, проводимый въ словахъ и дѣлахъ русскихъ святителей XIII—XV вв., жить, осуществлялся, составлялъ душу и силу и нашего современнаго пастырства, то тогда мы не встрѣчали бы тѣхъ нападокъ на духовенство, какіе приходится теперь перѣдко слышать; тогда тѣ благія начинанія, какія сдѣланы въ послѣднее время въ отношеніи къ духовенству, не остались бы только начинаніями, а несомнѣнно пришли бы къ желанной цѣли“ (стр. 334—335). Для такого вывода въ самомъ изслѣдованіи автора не видится основаній; идеаль пастырскаго служенія, раскрытый и выясненный въ трудахъ позднѣйшихъ русскихъ святителей и живущій въ сознаніи современныхъ нашихъ пастырей, несомнѣнно является болѣе высокимъ и всестороннимъ, нежели идеаль святителей XIII—XV вв.

„Что касается теперь самаго изслѣдованія, то, при указанныхъ погрѣшностяхъ въ историческомъ отношеніи, оно отличается все таки и нѣкоторыми бесспорными достоинствами. Распадался на два довольно обширныхъ отдѣла, оно въ первомъ изъ нихъ (стр. 15—150) представляетъ весьма внимательный библиографическій обзоръ письменныхъ памятникъ, сохранившихся отъ русскихъ святителей XIII—XV вв. и имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ пастырскому служенію; а во второмъ (стр. 151—329) подробно излагаются самыя воззрѣнія этихъ святителей на пастырское служеніе, — на его пропехожденіе, высокую цѣль, трудность и отвѣтственность, затѣмъ на личныя — умственные и нравственныя — качества пастырей и на ихъ главныя обязанности. — Обнаруженное здѣсь авторомъ широкое знакомство съ первоисточниками, при чемъ во многихъ случаяхъ напечатанные памятники сравнивались и свѣрялись имъ съ рукописными, тщательное изу-

ченіе обильнаго историческаго матеріала и стройное систематическое изложєніе его, — все это побуждаетъ признать трудъ г. Глаголева совершенно удовлетворительнымъ для кандидатской степени“.

13) Отзывъ доцента П. Заозерскаго о сочиненіи *Ивана Головицкова* на тему: „Константинопольскій патріархъ и его права по управленію русскою церковію въ древній ея періодъ“:

„Не большое по объему (стр. 1—204) сочиненіе студента Ивана Головицкова представляетъ очень сжатый очеркъ исторіи установленія Константинопольскаго патріархата и изложеніе правъ Константинопольскаго патріарха по церковному управленію въ Византіи и древней Руси. Авторъ вполне ознакомился съ ученою литературою по данному предмету и въ своемъ изложеніи правъ Константинопольскаго патріарха основывается на первоисточникахъ каноническаго и государственнаго права Византіи — сводахъ церковныхъ правилъ, Номоканонѣ патріарха Фотія, вселеніановыхъ кодексахъ, актахъ Константинопольскаго патріарха по изд. Миклошича и т. п. Эрудиціи его по исторіи устройства древней русской церкви слабѣе. Довольно характернымъ свойствомъ сочиненія служить сжатый синтетическій методъ изложенія, введенный въ науку православнаго церковнаго права І. Чижманомъ. Авторъ свободно владѣетъ языкомъ своихъ первоисточниковъ; его переводы вѣрны и отягчаются точностію и ясностію. Точка зрѣнія на предметъ вѣрная. Для кандидатской диссертациіи признаю сочиненіе студента Ивана Головицкова вполне удовлетворительнымъ“.

14) Отзывъ его же о сочиненіи *іеромонаха Василія (Грекова)* на тему: „Каноническое право въ твореніяхъ Св. Василія Великаго“:

„Названное сочиненіе состоитъ изъ введенія (I — LXIII) и четырехъ главъ (1—368). Во введеніи въ сжатомъ видѣ представлены важнѣйшіе біографическіе моменты, имѣвшіе ближайшее отношеніе къ практической дѣятельности Св. Василія Великаго, затѣмъ представленъ подробный планъ изслѣдованія собственно канонической дѣятельности Св. Отца, составляющей предметъ сочиненія.

„Соответственно представленному во введеніи плану, изслѣдованіе раздѣляется на два главные отдѣла: 1) изслѣдованіе правилъ общецерковнаго содержанія, 2) изслѣдованіе правилъ специально *монашеской* жизни.

„Въ первомъ отдѣлѣ правила общецерковнаго содержанія изслѣ-

дованы авторомъ съ слѣдующихъ сторонъ: 1) съ иѣбшей исторіи распространенія въ каноническихъ кодексахъ Восточной Церкви тѣхъ правилъ, которыя образованы изъ трехъ каноническихъ посланій Св. Отца къ Амфилохію. Затѣмъ изслѣдованъ вопросъ о подлинности этихъ посланій и времени написанія перваго изъ нихъ. Эта глава въ цѣломъ первомъ отдѣлѣ самый лучший, можно сказать, блестящій результатъ усерднаго изученія правилъ. Подлинность посланій Св. Василія защищена авторомъ весьма основательно, но что особенно важно, авторъ весьма остроумно и основательно доказалъ, что принятый доселѣ во всѣхъ изданіяхъ твореній св. Василія 3-хъ посланій его къ Амфилохію не вѣрны: такъ называемое второе посланіе должно быть признано по времени написанія первымъ, а первое—вторымъ. Для существа дѣла эта на первый взглядъ не важная поправка имѣетъ глубоко важное значеніе какъ въ дѣлѣ защиты подлинности посланій, такъ и для установленія правильнаго отношенія между сходными правилами св. Василія, заимствованными изъ первыхъ двухъ посланій его къ Амфилохію. Эта поправка, до которой не додумались даже весьма компетентные издатели (какъ напр. Гарнье) твореній св. Василія Великаго, составляетъ заслугу автора равную научному открытію.

„Съ подобною же обстоятельностью разсмотрѣнъ во второй главѣ вопросъ о подлинности правилъ, образованныхъ изъ прочихъ писемъ св. Василія и книги его *о Святомъ Дусѣ*.”

„Глава третья занимается вопросомъ: былъ-ли св. Василій Великій авторомъ или только редакторомъ правилъ, заключающихся въ вышеназванныхъ его сочиненіяхъ.”

„Глава четвертая представляетъ подробный разборъ правилъ по ихъ содержанію, давшій въ результатъ слѣдующую ихъ классификацію: А) правила, касающіеся клира; Б) правила, касающіеся монашествующихъ и дѣвственницъ; В) правила, касающіеся брака и Г) правила, раздѣляющія различныя преступленія и наказанія за нихъ (разсмотрѣнныя авторомъ въ порядкѣ декалога).”

„Для втораго отдѣла авторъ успѣлъ только собрать матеріалъ и выработать подробный планъ, но не имѣлъ времени представить свой трудъ въ той законченности, въ какой представлена имъ первая часть сочиненія.”

„Глубокое и всестороннее изученіе каноническихъ трудовъ св. Василія Великаго, тщательное изслѣдованіе мнѣній о нихъ Гарнье и Бинтерима, самостоятельность въ выводахъ, спокойное, солидное изложеніе добытыхъ результатовъ, веюду чистый, ясный

языкъ характеризуютъ отъ начала до конца представленное авторомъ сочиненіе. Признаю его вполне достойнымъ кандидатской степени и поощренія автора на дальнѣйшіе труды“.

15) Отзывъ доцента І. Татарскаго о сочиненіи *Дмитрія Даева* на тему: „Религіозно-нравственное міросозерцаніе Шекспира“:

„Сочиненіе студента Дмитрія Даева имѣетъ своимъ предметомъ изображеніе „религіозно-нравственнаго міросозерцанія Шекспира“, насколько оно отразилось въ его произведеніяхъ. Послѣ краткаго введенія, указывающаго на общее значеніе и характеръ избраннаго предмета, авторъ раздѣляетъ свое изслѣдованіе на два главные отдѣла: а) на изложеніе религіозныхъ воззрѣній поэта и б) на изображеніе его нравственнаго міросозерцанія. Такой планъ сочиненія нельзя не признать удачнымъ: соотвѣтствуя самой сущности разсматриваемаго предмета, онъ много содѣйствуетъ въ то же время раздѣльности и ясности обзримости выводимаго здѣсь авторомъ матеріала.

„Свое разсмотрѣніе религіозныхъ воззрѣній Шекспира авторъ раздѣляетъ на двѣ главы. Въ первой главѣ, опровергнувъ разныя мнѣнія объ апирелигіозности поэта, онъ изображаетъ намъ его вѣру въ Божественный Промыслъ, въ цѣлесообразность и даже въ чудеса во вселенной; показываетъ, какъ онъ примиряетъ съ этимъ существованіе зла въ мірѣ, приписывая ему исправительное значеніе для человѣка; характеризуетъ, наконецъ, его вѣрованія въ безсмертіе души человѣческой, въ существованіе загробной жизни и въ будущее мздовоздааніе. Во второй главѣ авторъ занимается вопросомъ о вѣроисповѣданіи Шекспира. Отвергая мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, признающихъ Шекспира католикомъ, онъ на основаніи многочисленныхъ мѣстъ изъ его произведеній старается доказать принадлежность поэта къ англиканской церкви. Въ интересахъ изслѣдованія существенное значеніе имѣетъ, безъ сомнѣнія, лишь первая глава этого отдѣла, характеризующая довольно удачно религіозныя чаянія великаго поэта какъ христіанина вообще, при чемъ для насъ является уже почти безразличнымъ вопросъ объ одной вышней официальной принадлежности его къ тому или иному вѣроисповѣданію.

„Отдѣлъ о нравственномъ міросозерцаніи Шекспира, также раздѣляемый авторомъ на двѣ главы, отличается, какъ и слѣдовало ожидать, сравнительно болшею полнотою содержанія, хотя и равенъ по объему съ предыдущимъ. Первую главу его авторъ посвящаетъ изложенію общихъ воззрѣній поэта на нравственную

природу человѣка, а вторую—разсмотрѣнію частиѣйшихъ началъ его практической морали. Обсужденіе вопросовъ, выставляемыхъ въ этомъ отдѣлѣ, свидѣтельствуетъ о здоровомъ пониманіи ихъ авторомъ и, если не сопровождается иногда достаточнымъ углубленіемъ въ нихъ, то ведется имъ съ строгою послѣдовательностью, въ живомъ и ясномъ изложеніи.

„Сочиненіе автора довольно обширно, основано на трудолюбивомъ изученіи произведеній Шекспира подъ руководствомъ лучшихъ, имѣвшихся у него подъ руками, пособій и какъ обработанное съ видимымъ стараніемъ отъ начала и до конца можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ“.

16) Отзывъ ординарнаго профессора В. Ключевскаго о сочиненіи *Тедори Делекторскаго* на тему: „Древне-русскія сказанія о флорентійской уни въ связи съ отношеніемъ древней Руси къ вопросу о соединеніи церквей“:

„Авторъ раздѣлялъ свое сочиненіе на три главы, изъ коихъ въ первой—вступительной, составляющей по объему почти половину всего сочиненія, изложилъ „очеркъ отношеній между русскимъ православіемъ и католичествомъ“ до 1441 г., во второй представилъ критико-библіографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уни, а въ третьей, сравнительно довольно краткой, высказалъ нѣсколько общихъ соображеній объ отношеніи древней Руси къ вопросу о соединеніи церквей по разсмотрѣннымъ въ сочиненіи сказаніямъ. Такимъ образомъ авторъ разрѣшилъ первую половину своей задачи и оставилъ безъ достаточной обработки вторую половину, не давъ надлежащаго историко-критическаго развитія темъ послѣдней главы сочиненія. При томъ, говоря объ участи, принятой русскою церковью въ ферраро-флорентійскомъ соборѣ, можно было бы коснуться и исторіи этого собора, сколько это нужно для выясненія произведеннаго имъ на русское общество впечатлѣнія. За то первая половина задачи разрѣшена авторомъ очень удовлетворительно въ обстоятельномъ критико-библіографическомъ обзорѣ сказаній о флорентійской уни. Въ этомъ обзорѣ авторъ обнаружилъ основательное изученіе литературы предмета и относящихся къ нему памятниковъ какъ издавшихся, такъ и рукописныхъ, изъ коихъ одинъ, именно повѣсть Симеона, не издавшему еще списку онъ помѣстилъ въ приложеніи къ своему сочиненію. Разбирая эти памятники и мнѣнія о нихъ изслѣдователей, авторъ высказалъ нѣсколько собственныхъ историко-критическихъ соображеній, хотя гадательныхъ, но заслуживающихъ вниманія,

напримѣръ о томъ, кто составилъ известное „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню“, также объ „Исторіи о мистрыискомъ соборѣ“, какъ источникъ сочиненія князя Курбскаго о флорентійскомъ соборѣ.

„Все это даетъ основаніе признать сочиненіе студ. Делекторскаго очень удовлетворительнымъ“.

17) Отзывъ доцента П. Заозерскаго о сочиненіи *Александра Донскаго* на тему: „Церковно-гражданское состояніе благотворительныхъ учреждений въ Византіи и древней Руси“.

„Довольно обширное (стр. 1—360) сочиненіе студента А. Донскаго представляетъ полное изображеніе юридическаго устройства благотворительныхъ учреждений, бывшихъ въ вѣдѣніи церкви въ Византійской имперіи и въ древней Руси. Оно производитъ весьма пріятное впечатлѣніе какъ плодъ всесторонняго ознакомленія съ дѣломъ, давшагося усерднымъ изученіемъ первоисточниковъ и пособій. Въ особенности заслуживаетъ вниманія трудъ автора по изученію церковно-гражданскаго византійскаго права по данному предмету. Здѣсь автору пришлось изучать нѣкоторые институты греко-римскаго гражданскаго права, что безъ специальной юридической подготовки трудъ тяжелый. Авторъ однако же съ успѣхомъ совершилъ этотъ трудъ. Очеркъ благотворительныхъ учреждений древней Руси слабѣе. Здѣсь авторъ шелъ по пути проложенному и уравниному, имѣя спеціальныя монографіи отечественной литературы. Единственное, что слѣдуетъ поставить ему въ укоръ, это желаніе его выразаться вычурнымъ ученымъ языкомъ. Рѣчь его довольно часто встрѣтитъ выраженія: „обширная филанстерія“, „ассоціарная борьба“, „режимъ взаимообщенія“, „категоричность резолютивнаго условія права приобрѣтенія“ и т. п.

„Признаю сочиненіе вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

18) Отзывъ экстраординарнаго профессора В. Соколова о сочиненіи *Алексея Комарова* на тему: „Исторія вопроса о соединеніи Англиканской Церкви съ Православіемъ“:

„Цѣль сочиненія г. Комарова состояла въ томъ, чтобы „проеслѣдить по возможности полно всю исторію сношеній англичанъ съ греками и уяснить себѣ историческій путь, на которомъ возникъ самый вопросъ о соединеніи церквей, рѣзко и открыто поставленный англичанами только въ началѣ прошлаго вѣка“ (стр. 4). Соответственно этой цѣли авторъ, во введеніи къ своему сочиненію, старается отыскать и разслѣдовать самые малѣйшіе, хотя

бы слабыя и тусклые слѣды сочувственнаго отношенія Англійи къ православному востоку, восходи въ этомъ исканіи ко временамъ еще Флорентійской уніи. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на личностяхъ и дѣятельности англійскихъ іерарховъ семнадцатаго вѣка, Андрей, Аббота, въ его перепискѣ съ патріархомъ Кирилломъ Лукарисомъ, и Года, а также кружка ученыхъ людей, такъ называемыхъ филогелленовъ, и старается показать, что къ концу XVII вѣка интересъ къ греческой церкви въ Англійи сталъ довольно распространеннымъ даже и въ массѣ народа. Введеніе заключается указаніемъ на тотъ фактъ, что въ 1689 году коммиссія по пересмотру книги общихъ молитвъ уже поднимаетъ вопросъ объ установленіи церковнаго общенія съ греческою церковью и такимъ образомъ отъ частныхъ сношеній отдѣльныхъ личностей дѣло переходитъ теперь къ вопросу о соединеніи церквей.

„Первыя главы своей работы авторъ посвящаетъ изслѣдованію тѣхъ переходныхъ моментовъ, которые вели отъ теоретической постановки вопроса о церковномъ единеніи къ его практическому осуществленію, при чемъ первая глава излагаетъ исторію православной церкви и коллѣдка для грековъ въ Оксфордѣ, а вторая — обстоятельства пребыванія и дѣятельности въ Англійи Арсенія митрополита Фивандскаго. Послѣ общаго очерка (глава 3) происхожденія въ Англійи конца XVII в. партіи неприсяжнаго духовенства (такъ наз. non-jurors), авторъ переходитъ къ исторіи ихъ сношеній по вопросу о церковномъ единеніи съ митрополитомъ Арсеніемъ затѣмъ съ восточными патріархами (гл. 4, 5, 6 и 7) и съ Святѣйшимъ Синодомъ (гл. 7). За краткимъ очеркомъ отношеній англиканской церкви къ восточному православію въ XVIII вѣкѣ (глава 8) авторъ посвящаетъ послѣднюю главу своего труда изложенію исторіи сношеній съ Русскою церковью В. Пальмера.

„Изъ представленнаго краткаго перечня содержанія разсматриваемаго труда видно, что наиболѣе важная и интересная часть избраннаго авторомъ предмета, а именно сношенія Англиканской церкви съ Православною въ XIX вѣкѣ, занимаетъ очень не много мѣста въ изслѣдованіи, а большая часть его посвящена предшествующимъ вѣкамъ и такимъ явленіямъ, которыя сравнительно имѣли не большое значеніе въ исторіи вопроса. Причина этого, по сознанію самого автора (стр. 222—226), заключается въ томъ, что громадность и отчасти недоступность матеріаловъ по исторіи трактаріанскаго движенія не давала ему возможности разработать эту часть своего труда въ ограниченный срокъ, полагаемый для

курсоваго сочиненія, а потому пока авторъ долженъ былъ ограничиться исторіей вопроса до XIX вѣка, изложивъ, въ заключеніе своей работы, только внѣшнюю сторону дѣла Пальмера.

„То, что вошло въ составъ сочиненія г. Комарова, разработано имъ съ должнымъ стараніемъ и все члѣтннн частности, относящіяся къ предмету изслѣдованія, не оставлены безъ вниманія, хотя свой трудъ авторъ ограничиваетъ въ большинствѣ случаевъ лишь изложеніемъ внѣшнихъ фактовъ, не принимая на себя задачу выяснять причины явленій и ихъ постепенное развитіе. Въ этомъ отношеніи сочиненіе его можетъ быть названо болѣе матеріаломъ для изслѣдованія вопроса, чѣмъ самымъ изслѣдованіемъ.

„Въ частностяхъ автору можно, пожалуй, сдѣлать упрекъ за излишнюю смѣлость нѣкоторыхъ выводовъ. На стр. 65, 73, 80 и 93 авторъ, напримѣръ, очень мелкимъ часто фактамъ придастъ слишкомъ большое значеніе, заявляя, что благодаря имъ, напр., была подготовлена благопріятная почва для постановки и рѣшенія вопроса о соединеніи церквей, т. е. такого вопроса, который не рѣшенъ и доселѣ и, Богъ знаетъ, рѣшится ли еще когда въ будущемъ.

„На страницахъ 60, 99, 103—104, 132 и др. можно встрѣтить нѣкоторыя недоразумѣнія или ошибки, которыя требовали бы разъясненія или исправленія.

„Что касается матеріала, то съ этой стороны сочиненіе г. Комарова представляетъ не малую цѣнность. Кромѣ печатныхъ изданій, каковы труды Неаря, Palmer'a, Пого'a и въ особенности Williams'a, авторъ просмотрѣлъ не мало длинныхъ документовъ, относящихся къ его вопросу, работая для этой цѣли въ архивѣ Святѣйшаго Синода. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ, изданные прежде Williams'омъ, онъ провѣрилъ, а многіе, никѣмъ неизданные доселѣ, впервые внесъ въ свое изслѣдованіе.

„Представленный г. Комаровымъ на соисканіе степени трудъ далеко не выразитъ собою всего того, что сдѣлаво авторомъ въ разработкѣ относящагося къ его предмету матеріала и служить лишь добрымъ началомъ большой работы, обещающей въ будущемъ серьезный интересъ. Что начало, впрочемъ, и само по себѣ, какъ отдѣльное цѣлое, представляетъ такую цѣнность, что можетъ быть признано удовлетворительнымъ для полученія кандидатской степени“.

19) Отзывъ ординарнаго профессора П. Субботина о сочиненіи *Ивана Крылова* на тему: „Исторіографія раскольниковъ“:

„Во вступленіи сочинитель старается опредѣлить задачу изслѣдованія. Опредѣлить ее надлежащимъ образомъ ему не удалось, и вообще вступленіе написано довольно запутанно и неочетливо. Рѣшивъ затѣмъ остановить свое вниманіе на важнѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ раскольниковъ, авторъ, послѣ краткаго библиографическаго обзора этихъ сочиненій, излагаетъ по нимъ въ хронологическомъ порядкѣ событія изъ исторіи раскола. Такимъ образомъ онъ представилъ опытъ изложенія исторіи раскола по сказаніямъ самихъ раскольниковъ, но собственно объ исторіографіи раскола, о содержаніи ея и характерѣ, надлежащаго понятія не далъ. Въ сдѣланномъ же у него изложеніи историческихъ событій видно довольно тщательное изученіе матеріала.

„Сочиненіе достаточно хорошо для присужденія автору степени кандидата“.

20) Отзывъ ординарнаго профессора Е. Голубинскаго о сочиненіи *Федота Кудринскаго* на тему: „Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, какъ защитникъ православія въ южной Руси“:

Говорить о князѣ Константиѣ Константиновичѣ Острожскомъ, какъ о защитникѣ православія въ южной Руси, значить излагать исторію введенія въ этой Руси римско-католической уніи, только съ парочкими рѣчами въ ней именно о князѣ. Таковую исторію введенія римско-католической уніи въ южной Руси, съ парочкими рѣчами въ ней о Константиѣ Константиновичѣ, и представляетъ собою сочиненіе г. Кудринскаго. Таинливый авторъ надѣленъ рѣшительной склонностью къ критикѣ, которая не позволяетъ ему принимать ничего чужаго безъ собственной провѣрки, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени зараженъ и болѣзью оригинальности, заставляющей его обо всемъ имѣть непремѣнно собственное мнѣніе. Критически перевѣряя прежнихъ изслѣдователей исторіи уніи, авторъ высказываетъ не мало поваго, что должно быть признано дѣльнымъ и основательнымъ, а подъ вліяніемъ своей указанной болѣзни высказываетъ и такія мнѣнія и произноситъ и такія сужденія, которыя далеко не могутъ быть признаны основательными. Впрочемъ, здоровая критика имѣетъ у автора рѣшительный перевѣсъ надъ болѣзненнымъ оригинальничаньемъ, такъ что въ цѣломъ его изслѣдованіе должно быть признано за изслѣдованіе весьма серьезное. Своимъ обширнымъ и труднымъ предметомъ авторъ занимающійся съ величайшимъ усердіемъ, за которое должна быть воздана ему безусловная похвала.

„Не свободное отъ недостатковъ, сочиненіе вообще должно быть признано за очень хорошее“.

21) Отзывъ ординарнаго профессора В. Ключевскаго о сочиненіи *Сергія Липягова* на тему: „Устройство духовныхъ школъ въ царствованіе императора Александра I“:

„Авторъ началъ свое сочиненіе краткимъ очеркомъ подготовительныхъ работъ по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній въ царствованіе Александра I, изложивъ планъ реформы, составленный епископомъ Евгеніемъ (Болховитиновымъ) и въ общихъ чертахъ описавъ дѣятельность комитета 1807—8 г. и смѣнявшей его комиссіи духовныхъ училищъ по этому вопросу. Потомъ въ отдѣльныхъ главахъ сочиненія авторъ изобразилъ по проэткамъ комитета и уставамъ 1814 г. устройство, содержаніе и управленіе преобразованныхъ духовно-учебныхъ заведеній и установленный въ нихъ учебно-воспитательный порядокъ, начиная каждую главу историческимъ очеркомъ излагаемаго въ ней предмета. Такой порядокъ изложенія, при отсутствіи предварительнаго общаго очерка судьбы духовныхъ школъ до реформы, нѣсколько мѣшаетъ дѣльному представленію ихъ историческаго развитія. Желательно было бы также найти въ разсматриваемомъ сочиненіи обстоятельное общее сличеніе уставовъ 1814 г. съ планами и предположеніями комитета 1808 г. вмѣсто встрѣчаемыхъ у автора по мѣстамъ частныхъ сопоставленій тѣхъ и другихъ. Отчетливое изученіе реформы и ея подготовки значительно сглаживаетъ эти пробѣлы. Авторъ съ большимъ умѣньемъ воспользовался трудами проф. Знаменскаго, Чистовича и другихъ изслѣдователей по исторіи духовенства и духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи. Въ изложеніи новаго устройства этихъ заведеній въ царствованіе Александра I онъ оставался почти безъ пособій, съ одними законодательными документами, но благодаря основательному изученію послѣднихъ изобразилъ это устройство подробно, обдуманно и отчетливо. Все это вмѣстѣ съ простымъ и яснымъ изложеніемъ даетъ основаніе признать трудъ студента Липягова весьма удовлетворительнымъ“.

22) Отзывъ доцента Н. Заозерскаго о сочиненіи *Сергія Малевинскаго* на тему: „Правила помѣстныхъ соборовъ Западной церкви IV—VI вв. по сравненію ихъ съ соборнымъ и святоотеческимъ законодательствомъ Восточной церкви“:

„Довольно обширное сочиненіе (1—428 стр.) студента С. Малевинскаго представляетъ собою произведенный весьма тщательно обзоръ каноновъ, постановленныхъ помѣстными соборами запад-

ныхъ церквей: Римской, Кароагенской, Галльской и Испанской за IV и VI вѣка. Авторъ не взялъ на себя задачи обозрѣть массу сихъ каноновъ по *всему* ихъ содержанию, а ограничился обзорѣ-и-емъ лишь пенитенціальныхъ опредѣленій: онъ представилъ въ системѣ каноническія опредѣленія соборовъ сихъ церквей, опредѣляющія преступленія и наказанія за нихъ, и при этомъ всегда сопоставлялъ параллельныя опредѣленія соборовъ (помѣстныхъ и вселенскихъ) и правила св. Отцовъ Восточной церкви.

„При изученіи содержанія каноновъ Западной церкви авторъ держался какъ подлиннаго ихъ текста по изданію Макси, такъ и переноса и толкованія ихъ Гефели, а въ расположеніи и классификаціи преступленій взялъ за образецъ схему преступленій и наказаній, сдѣланную въ нашей книгѣ: *Церковный судъ въ первые вѣка христіанства*.

„Сочиненіе написано съ большимъ усердіемъ; но жаль, что авторъ ограничился только *сравненіемъ* правилъ восточной и западной церкви, не представивъ отъ себя *никакихъ выводовъ*, хотя ихъ сдѣлать было, повидному, весьма легко. Отъ сего недостатка сочиненіе много теритъ въ своемъ интересѣ и научномъ достоинствѣ. Для полученія кандидатской степени признаю его вполне удовлетворительнымъ“.

23) Отзывъ экстраординарнаго профессора П. Казанскаго о сочиненіи *Ивана Павлова* на тему: „Нравственное ученіе Лютера“:

„Сочиненіе г. Павлова состоитъ изъ вступленія, семи главъ изслѣдованія и заключенія.

„Во вступленіи (1—12 стр.) авторъ сообщаетъ нѣсколько самыхъ краткихъ свѣдѣній о томъ, какъ Лютеръ пришелъ къ отрицанію ученія о необходимости для спасенія человѣка добрыхъ дѣлъ и подвиговъ благочестія и выступилъ съ проповѣдью своего ученія о спасеніи человѣка одною вѣрою во Христа. Здѣсь же авторъ намѣчаетъ планъ изслѣдованія даннаго вопроса и указываетъ нѣсколько оснований, почему для правильнаго пониманія ученія Лютера о нравственномъ развитіи необходимо предварительное раскрытіе его взгляда на виновное состояніе перваго человѣка и на его грѣхопаденіе.

„Въ главѣ *о виновномъ состояніи человѣка* (12—25 стр.) излагается ученіе Лютера о совершенствахъ первозданнаго человѣка; при этомъ авторъ старается показать недостатки его ученія путемъ сравненія его съ ученіемъ православной церкви.

„Во главѣ *о грѣхопаденіи* (25—50) авторъ излагаетъ ученіе

Лютера о паденіи первозданнаго чловѣка и его послѣдствіяхъ. По ученію Лютера грѣхъ совершенно извратилъ природу чловѣка, такъ что въ ней не осталось никакой способности къ добру. Авторъ замѣчаетъ, что самъ Лютеръ увидѣлъ крайность своего ученія о грѣхопаденіи и его послѣдствіяхъ и старался исправить его, доказывая, что хотя паденіе чловѣка и было очень глубоко, но все же въ немъ осталась способность къ возрожденію при помощи божественной благодати, стремленіе ко спасенію и познанію истины. Далѣе авторъ раскрываетъ ученіе Лютера о сущности грѣха, распространеніи его въ родѣ чловѣческомъ. Послѣ этого авторъ указываетъ на несостоятельность ученія Лютера о грѣхопаденіи и его слѣдствіяхъ, обращаетъ вниманіе на то, что это ученіе реформатора не примиримо съ ученіемъ о возрожденіи и спасеніи чловѣка даже при помощи благодати: и благодать не могла бы спасти чловѣка, если бы онъ совершенно утратилъ образъ Божій, если бы его природа утратила всякое расположеніе къ добру. Наконецъ авторъ ученію Лютера противопоставляетъ православное ученіе.

„Во главѣ *о подзаконномъ состояніи* (50—76) раскрывается взглядъ Лютера на законъ до паденія и послѣ паденія чловѣка. До паденія законъ былъ закономъ духа, неписаннымъ перстомъ Божиимъ въ сердцахъ людей; законъ, данный послѣ паденія, указываетъ на ненормальность отношеній между чловѣкомъ и Богомъ, раскрываетъ непоправимую тяжесть преступленія чловѣка, глубину его паденія и безыміе его возстать. Главное дѣло закона Лютеръ поставляетъ въ обвиненіи, утраченіи, проклятій и осужденіи грѣшника, а второстепенное — въ узненіи чловѣку воли Божіей. Далѣе авторъ раскрываетъ ученіе Лютера о софѣтѣ и ея функціяхъ, излагаетъ ученіе объ *usus politicus* и *usus theologicus* закона и приготовительномъ его значеніи къ Новому Завету и Евангелію. Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о недостаткахъ взгляда Лютера на законъ.

„Въ главѣ *объ отношеніи между закономъ и евангеліемъ* (78—128) раскрывается взглядъ Лютера на этотъ предметъ. Лютеръ понимаетъ это отношеніе, какъ отношеніе рѣзкаго различія, почти противоположности. По его мнѣнію, законъ дѣлаетъ чловѣка грѣшника повиннымъ проклятію и смерти и приводитъ его къ сознанію своей неспособности освободиться изъ этого положенія; тогда какъ евангеліе есть благая вѣсть объ искупленіи рода чловѣческаго Иисусомъ Христомъ, о возвращеніи чловѣку перво-

бытнаго состоянія чистоты, невинности, святости и надежды на получение вѣчной блаженной жизни. Поэтому Лютеръ законъ называетъ явленіемъ земнымъ, а евангеліе — явленіемъ небеснымъ. Законъ требуетъ отъ насъ извѣстныхъ дѣйствій, обличаетъ насъ въ грѣхахъ, евангеліе же напротивъ ничего не требуетъ отъ насъ, а только объявляетъ намъ милость и прощеніе ради заслугъ Сына Божія, и если говоритъ намъ о грѣхахъ и наказаніяхъ за нихъ, то въ то-же время говоритъ и о прощеніи ихъ, и требуетъ отъ насъ не гдѣль, но вѣры въ Искушителя. Затѣмъ авторъ переходитъ къ указанію недостатковъ, крайностей и противорѣчій въ ученіи Лютера объ этомъ предметѣ. Съ этою цѣлію авторъ прежде всего указываетъ на то, что самъ Лютеръ отказался впоследствии отъ противоположенія закона евангелію, какъ тьмы свѣту; потомъ указываетъ на несостоятельность положенія Лютера, будто евангеліе ничего не требуетъ отъ насъ, а только даетъ намъ, обращая вниманіе на то, что въ евангеліи заключаются требованія нравственнаго совершенства; и не только евангельскіи требованія, но и требованія закона обязательны для христіанина, потому что Иисусъ Христосъ пришелъ на землю не нарушить, но исполнить законъ. Затѣмъ авторъ обращаетъ вниманіе на двойственность и внутреннее противорѣчіе во взглядѣ Лютера на отношеніе между закономъ и евангеліемъ: въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ Лютеръ говоритъ, что законъ и евангеліе находится въ полной враждѣ между собою и первый уничтожается вторымъ (такъ напр., Лютеръ требуетъ пренебреженія пылаго, даже враждебнаго отношенія къ Моисею и закону, какъ орудію діавола, освобожденія совѣсти отъ вліянія и господства закона, и утверждаетъ, что законъ совершенно не нуженъ христіанину), въ другихъ же сочиненіяхъ проводитъ мысль, что евангеліе не уничтожаетъ закона, а только измѣняетъ и дополняетъ его, что оно вѣчно и свято и не можетъ быть уничтожено, что оба — и евангеліе и законъ — божественнаго происхожденія, неразрывны между собою, нужны для ближества человека и потому оба должны всегда сохраняться въ христіанствѣ и пр. Наконецъ авторъ старается объяснить причины указавшаго противорѣчія во взглядѣ Лютера.

„Въ главѣ *объ избавленіи отъ грѣха* (129 — 147) авторъ излагаетъ ученіе Лютера объ избавленіи человека чрезъ Иисуса Христа отъ грѣха. По ученію Лютера, Иисусъ Христосъ своею смертію приобрѣлъ всѣмъ людямъ прощеніе всѣхъ грѣховъ: кто вѣруетъ въ это, тотъ уже безъ грѣха, какъ самъ Христосъ. Но послѣд-

нее выраженіе Лютера не означаетъ того, будто люди послѣ искупительной смерти Христовой стали совершенно безгрѣшны, по значить только, что они стали свободны отъ отвѣтственности за грѣхъ, — отъ проклятiя и осужденiя; грѣхъ же, какъ грѣховное состояніе, и послѣ смерти Христовой не исчезъ изъ природы человѣка. Плоды искупленiя Христова состоятъ въ томъ, что мы избавлены отъ вины и нечистой совѣсти и получили миръ доброй и радостной совѣсти. Далѣе излагается ученіе Лютера объ искупленiи человѣка отъ смерти. Если христіанинъ умираетъ тѣлесно, то эта смерть есть уже побѣжденная смерть; жало смерти, лежащее во грѣхѣ, притуплено смертію Христовою: за тѣлесною смертію христіанина не слѣдуетъ уже осужденіе и смерть духовная, отчужденіе отъ Бога, но радость, блаженство, вѣчная жизнь въ общенiи съ Богомъ. Грѣхъ и смерти находятся въ тѣснѣйшей связи между собою, какъ причина и слѣдствіе. Если уничтожена причина—грѣхъ, то не можетъ быть и слѣдствiя—смерти. Наконецъ излагается ученіе Лютера объ избавленiи человѣка отъ діавола, виновника грѣха и смерти. Христосъ избавилъ людей отъ власти діавола и далъ имъ силу съ усѣхъомъ бороться съ нимъ и побѣждать его.

„Итакъ плоды искупительной жертвы Спасителя — освобожденіе отъ грѣха, смерти и проклятiя и дарованіе человѣку праведности, жизни и вѣчнаго блаженства. Христіанинъ становится храмомъ Божиимъ, храмомъ Духа Святаго, тропомъ Всевышняго, соучастникомъ божественнаго естества, обожещается; праведность, жизнь, святость Христова становятся достояніемъ вѣрующаго во Христа. Въ заключеніе главы авторъ указываетъ, въ какомъ противорѣчiи находится сейчасъ изложенное ученіе Лютера о плодахъ искупительной смерти Христовой съ его ученіемъ о томъ, что грѣхи прощаются вѣрующему во Христа чисто внѣшнимъ образомъ.

„Въ главѣ *объ оправданiи вѣрою*, послѣ нѣсколькихъ замѣчанiй объ условiяхъ, содѣйствовавшихъ развитію ученiя Лютера объ оправданiи вѣрою, авторъ занимается рѣшеніемъ вопроса, что такое по Лютеру оправдывающая вѣра, что такое праведность, получаемая христіаниномъ по вѣрѣ въ Спасителя. Авторъ приходитъ къ выводу, что это — праведность Христова, вмѣняемая человѣку чисто внѣшнимъ образомъ и находящаяся внѣ всякой органической связи съ нравственнымъ состояніемъ личности (172). Съ этимъ ученіемъ Лютера находятся въ тѣсной связи и другіе пункты Лютеровой системы, какъ напр., ученіе о томъ, что всѣ

люди, какъ безусловно грѣховные предъ Богомъ, во Христѣ получаютъ одинаковую святость, — о томъ, что человекъ не можетъ и не долженъ принимать дѣятельнаго участія въ своемъ спасеніи и что спасеніе его устроится Богомъ только по вѣрѣ во Христа, которая обновляетъ и перерождаетъ природу вѣрующаго. Оттого Лютеръ настойчивъ внушаетъ своимъ послѣдователямъ — развивать въ себѣ увѣренность въ прощени грѣховъ ради заслугъ Спасителя и подавлять и уничтожать въ себѣ чувство грѣховности и чувствительность совѣсти, потому что, по убѣжденію Лютера, ни сознаніе грѣховъ, ни укороы совѣсти, ни сокрушеніе о грѣхахъ не могутъ дать человеку праведности, праведнымъ дѣлаетъ его только вѣра во Христа. Что касается добрыхъ дѣлъ, то Лютеръ считаетъ ихъ не только не нужными, бесполезными, но даже вредными для спасенія и предостерегаетъ противъ нихъ, какъ значительнѣйшаго препятствія на пути ко спасенію, потому что они располагаютъ человека къ самопадѣнности и невѣрію въ божественное милосердіе, такъ что блудница скорѣе можетъ увѣровать и спасенъ, чѣмъ праведникъ (198). Наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о вредныхъ въ нравственномъ отношеніи послѣдствіяхъ ученія Лютера о бесполезности добрыхъ дѣлъ для оправданія человека, авторъ указываетъ на противорѣчіе и неустойчивость Лютера въ ученіи объ оправданіи

„Въ послѣдней главѣ своего сочиненія (249 — 291) авторъ излагаетъ ученіе Лютера *о свободѣ воли*. Сущность этого ученія заключается въ томъ, что человекъ былъ свободенъ только до грѣхопаденія, послѣ же него онъ лишился свободы въ отношеніи къ добру и сохранилъ ее только въ отношеніи ко злу; послѣ грѣхопаденія воля человека отразилась отъ божественнаго и направилась исключительно на злое и только постороннею силою можетъ быть направлена къ добру, такъ что человекъ самъ по себѣ, безъ божественной благодати, ничего добраго не можетъ дѣлать, а благодать свою Богъ подаетъ не всѣмъ, а только тѣмъ, которыхъ Онъ предопредѣлилъ къ спасенію. Затѣмъ авторъ дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній противъ ученія Лютера о свободѣ воли и предопредѣленіи. Въ доказательство несостоятельности взгляда Лютера на свободу авторъ указываетъ а) на то, что самъ Лютеръ не остается вѣрнымъ своему взгляду, убѣждая своихъ послѣдователей не грѣшить, бороться съ пороками и страстями, и б) на тѣ вредныя послѣдствія, которыми сопровождалось

отрицаніе свободной воли человѣка для нравственной жизни послѣдователей Лютера.

„Въ *заключеніи* своего изслѣдованія авторъ даетъ нѣсколько объясненій относительно тѣхъ приѣмовъ, которыхъ онъ держался при изложеніи ученія Лютера.

„Сравнительно лучшими частями сочиненія г. Павлова слѣдуетъ признать тѣ главы, въ которыхъ раскрывается Лютерово ученіе о грѣхопадѣніи первыхъ людей, о подзаконномъ состояніи, объ отношеніи между закономъ и евангеліемъ, объ оправданіи вѣрою. Здѣсь ученіе Лютера раскрыто съ достаточною полнотою и ясностію и подвергнуто довольно основательной критической оцѣнкѣ, такъ что для читающаго становятся ясными заблужденія и слабыя стороны системы Лютера. Менѣе удовлетворительными слѣдуетъ признать главы сочиненія о невинномъ состояніи человѣка и о свободѣ воли. Авторъ не сумѣлъ показать, въ чемъ состоитъ отличіе ученія Лютера о невинномъ состояніи человѣка отъ ученія Православной церкви о томъ-же предметѣ. Авторъ упрекаетъ Лютера въ томъ, что онъ преувеличенно изображаетъ совершенство первозданнаго человѣка, приписывая ему такую степень нравственнаго развитія, далѣе которой уже невозможно было ему идти, но ничѣмъ не доказавъ справедливости своего упрека Лютеру. Мало того: излагая ученіе Лютера о блаженномъ состояніи перваго человѣка, авторъ приводитъ такіа изрѣченія Лютера, которыя не подтверждаютъ справедливости упрека, сдѣланнаго авторомъ реформатору (стр. 20, 21). Ученіе Лютера о свободѣ воли изложено отрывочно, непоследовательно, такъ что не дается яснаго понятія о томъ, какъ училъ Лютеръ о свободѣ воли. Кромѣ сейчасъ указанныхъ частныхъ недостатковъ, есть еще недостатки общіе, свойственные всѣмъ частямъ разсматриваемаго сочиненія. Къ числу ихъ надобно отнести то, что 1) авторъ занимается изслѣдованіемъ не столько нравственнаго, сколько догматическаго ученія Лютера и такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ уклоняется отъ прямой своей задачи; 2) въ сочиненіи замѣчается отсутствіе яснаго и отчетливаго плана; 3) собраннымъ матеріаломъ авторъ не воспользовался надлежащимъ образомъ, не привелъ его въ должный порядокъ, — оттого въ сочиненіи замѣчается по мѣстамъ растянутость, повторенія одного и того-же, въ подтвержденіе одной и той же мысли Лютера приводятся безъ нужды слишкомъ много мѣстъ изъ его сочиненій; 4) въ литературномъ отношеніи сочиненіе не вездѣ обработано въ достаточ-

ной степени: встрѣчается не мало выражений не ясныхъ и не точныхъ (стр. 50, 53, 56, 61, 66, 74, 77, 84, 93, 101, 112, 130, 133, 136, 142, 291 — 295); 5) приводя изрѣченія Лютера, авторъ указываетъ страницы изданія Вальха; но, несомнѣнно, изданія Вальха авторъ не имѣлъ подъ руками; свои цитаты онъ беретъ изъ другихъ книгъ, которыми онъ пользовался при своей работѣ и которыхъ однако-жъ не цитируетъ. При такомъ способѣ цитации весьма затруднительно провѣрять автора и исправлять тѣ неточности, которыя замѣчаются въ разсматриваемомъ сочиненіи.

„Впрочемъ, сравнивая достоинства и недостатки сочиненія г. Павлова, мы находимъ, что послѣдніе не превышаютъ первыхъ и не лишаютъ насъ возможности признать трудъ автора удовлетворительнымъ для полученія имъ степени кандидата богословія“.

24) Отзывъ доцента А. Мартынова о сочиненіи *іеромонаха Палладія (Доброправова)* на тему: „Преподобный Ефремъ Сирийскій и его нравственное ученіе“:

„Обширное (808 стр.) сочиненіе о Палладіи, кромѣ общаго введенія, имѣетъ двѣ части, изъ коихъ въ первой излагается біографія св. Ефрема, во второй — его нравственное ученіе. Насколько біографія служитъ къ характеристикѣ личности св. отца, какъ церковнаго писателя и учителя, она вполне умѣстна въ патристическомъ изслѣдованіи. Но въ сочиненіи нашего автора ей дана болѣе широкая постановка, чѣмъ сколько требовалось для ея главной цѣли, — характеристики св. Ефрема, какъ моралиста. Пространныя критическія разслѣдованія при установкѣ историческихъ фактовъ, относительно которыхъ въ древнемъ преданіи сохранились сбивчивыя извѣстія, длинныя разсужденія о св. Іаковѣ Пизибійскомъ (97 — 117 стр.) и многія другія подробности, которыя могли бы имѣть мѣсто въ сочиненіи, специально посвященномъ біографіи преп. Ефрема, представляются излишними въ трудѣ съ ограниченной задачей, каковъ трудъ о Палладіи. Излишнія подробности вредятъ, впрочемъ, лишь формальной стройности сочиненія, безъотносительно же къ тому подробное жизнеописаніе св. Ефрема, какъ оно излагается въ сочиненіи нашего автора, имѣетъ большую научную цѣнность по тщательному изученію и хорошему критическому освѣщенію источниковъ.“

„Вторая часть сочиненія о Палладіи, посвященная изложенію нравственнаго ученія св. Ефрема, раздѣляется на три частныхъ отдѣла, изъ коихъ въ первомъ излагаются психологическія воззрѣнія св. отца по тѣмъ вопросамъ, которые имѣютъ ближайшее

отношеніе къ этикѣ, во второмъ содержится ученіе преп. Ефрема о грѣхѣ и средствахъ освобожденія отъ него человѣка, въ третьемъ — изображается положительный идеаль нравственной дѣятельности человѣка, начертанный святымъ отцомъ-аскетомъ. Такой планъ сочиненія можно назвать совершенно правильнымъ и естественнымъ, хотя можно бы пожелать взаимной перестановки двухъ послѣднихъ отдѣловъ, такъ какъ удобнѣе представить сначала положительную норму, а затѣмъ уже толковать о ненормальностяхъ (грѣхахъ). Частные пункты этики преп. Ефрема раскрываются нашимъ авторомъ съ достаточною полнотою, хотя не вездѣ съ одинаковой ясностью. Правоученіе свв. отцевъ-аскетовъ, какъ извѣстно, имѣетъ не мало особенностей, выразившихся и въ своеобразной терминологіи, неупотребительной у современныхъ намъ моралистовъ и на первый взглядъ недостаточно вразумительной. Такъ напр., постепенный процессъ увлеченія человѣка грѣхомъ означается у св. Ефрема слѣдующими терминами: „прираженіе, сдруженіе, страсть, борьба, соизволеніе, самодѣтельность, плѣненіе“ (Твор. св. Ефрема, рус. перев. ч. 5, стр. 122). Нужно строго уяснить специальный смыслъ этихъ терминовъ и взаимную послѣдовательность обозначаемыхъ ими душевныхъ состояній, чтобы понять глубокий смыслъ правоученія св. отца. Въ разсматриваемомъ нами сочиненіи это сдѣлано не достаточно, и оттого по мѣстамъ встрѣчается сбивчивость въ пониманіи оригинальной аскетической терминологіи; напр., подъ „помысломъ“ чаще разумѣется только грѣховная мысль, или мысленный образъ грѣховнаго предмета, но иногда (стр. 628 и др.) тотъ же терминъ употребляется въ значеніи страсти, т. е. полного увлеченія воли человѣческой грѣхомъ.

„За многими указанными недостатками, цѣлое сочиненіе о Палладіи заслуживаетъ большаго одобренія. И прежде всего, это—трудъ въ главной его части совершенно самостоятельный. Авторъ не имѣлъ подъ руками не только готоваго литературнаго изложенія морали св. Ефрема, но и никакихъ другихъ опытовъ систематизаціи святоотеческаго аскетическаго правоученія: и планъ сочиненія, и выборъ матеріала, и всѣ частнѣйшія стороны предмета ему приходилось опредѣлять самому, безъ помощи стороннихъ указаній, единственно лишь на основаніи изученія подлинныхъ твореній св. отца. Эти творенія изучены нашимъ авторомъ со всею тщательностью и притомъ не по русскому только переводу, но и по греческому и латинскому тексту. Прекрасное зна-

кометво съ классическими языками, далеко превосходящее мѣру обычныхъ студенческихъ знаній, дало ему возможность свободно пользоваться ихъ текстами и сдѣлать нѣсколько справедливыхъ поправокъ въ существующемъ русскомъ переводѣ твореній преп. Ефрема. Изложеніе нравственнаго ученія св. Ефрема сопровождается сближеніями его съ ученіемъ другихъ св. отцовъ-аскетовъ; эти сближенія сообщаютъ сочиненію нашего автора исторической интересъ и вмѣстѣ свидѣлствуютъ о значительной начитанности его въ патристической литературѣ этого (аскетическаго) направленія.

„Съ виѣшней стилистической стороны сочиненіе о. Палладія отличается стройнымъ и правильно-логическимъ теченіемъ мыслей, простымъ и яснымъ изложеніемъ ихъ и лишь изрѣдка — нѣкото-рою растянutosью.

„Повори вообще, трудъ нашего автора, обнаруживающій способность и большую любовь къ научной работѣ, нужно признать болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

25) Отзывъ доцента П. Заозерскаго о сочиненіи *Николая Парійскаго* на тему: „Отношенія государственнаго правительства къ земельнымъ церковнымъ владѣніямъ въ древней Руси“:

„Сочиненіе студента П. Парійскаго состоитъ изъ введенія и трехъ главъ съ предваряющимъ ихъ подробнымъ изложениемъ содержания. Во введеніи авторъ устанавливаетъ общіе принципы недвижимой церковной собственности, какъ они выработаны были и формулированы въ каноническомъ правѣ вселенской церкви и, указавъ на усвоеніе ихъ русскою церковью въ началѣ исторіи ея, ставитъ задачею своего сочиненія прослѣдить *примѣненіе ихъ іерархіею русской церкви въ послѣдующіе періоды русской исторіи къ условіямъ національно-юридическимъ, воззрѣніямъ и экономическаго бытія древней и новой Россіи.*

„Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ съ полнотою и обстоятельностью вникаетъ въ формы и содержаніе церковнаго и землевладѣльческаго права за періоды кіевскій, удѣльный и московскій и даетъ полный, живой, глубоко интересный очеркъ этого права во всѣхъ его моментахъ. Предъ читателемъ постепенно возникаетъ картина церковныхъ учрежденій — земельныхъ собственниковъ въ полной ихъ юридической обстановкѣ: читатель во всей полнотѣ видитъ различныхъ субъектовъ церковной собственности, способы пріобрѣтенія и укрѣпленія ихъ правъ, формы пользованія этими

правами, въ детали судебного гражданскаго процесса для защиты этого права. Глубокій интересъ, проходящій чрезъ все это сочиненіе, представляетъ постепенное усвоеніе русскими идеи земельной собственности, раскрываемой и укрѣпляемой въ русскомъ юридическомъ сознаніи церковною іерархіей: она въ полномъ смыслѣ слова насаждала юридическія понятія въ новопросвѣщаемомъ юномъ русскомъ народѣ.

„По мѣрѣ обогащенія недвижимыми имуществами церковь завоевала себѣ успѣхи и въ этой своей гражданской миссіи, такъ что когда въ концѣ XV и въ началѣ XVI вв. при царѣ Іоаниѣ III въ первый разъ заявленъ былъ торжественно протестъ противъ владѣнія недвижимою собственностью нѣкоторыми церковными учрежденіями (монастырями), — церковная іерархія на соборахъ 1503, 1514 гг. побѣдоносно отразила этотъ протестъ. До сего момента государственное правительство древней Руси относилось къ церковному землевладѣнію весьма сочувственно и покровительственно. На этомъ и заканчивается сочиненіе автора.

„Оно далеко не окончено; по предположенному плану автору предстояло продолжить исторію церковнаго землевладѣнія до царствованія Екатерины II и матеріалы для сего у него уже собраны, но по недостатку времени не получили той обработки, въ какой предлежитъ представляемая имъ половина его изслѣдованія.

„Обширною начитанностью автора и рациональной постановкой дѣла сочиненіе г. Парійскаго заслуживаетъ полнаго одобренія и поощренія“.

26) Отзывъ ординарнаго профессора В. Ключевского о сочиненіи *Александра Плотникова* на тему: „Основные источники исторіи Русской церкви въ XVII вѣкѣ“:

„Авторъ раздѣлилъ свой обзоръ на двѣ части, изъ коихъ въ первой обзрѣлъ (по печатнымъ изданіямъ) документальные источники исторіи Русской церкви въ XVII в., а во второй — источники литературные. Раздѣливъ документальные источники по различію изображаемыхъ ими сторонъ церковной жизни, онъ послѣдовательно разсмотрѣлъ документы, касающіеся церковнаго управленія и суда, церковнаго богослуженія и христіанской жизни русскаго общества, взаимныхъ отношеній церкви и государства въ XVII в. и т. д. Изъ литературныхъ источниковъ разсмотрѣны авторомъ хронографы, лѣтописи и житія. Первая часть сочиненія отличается полнотой обзора документовъ и обдуманностью группировки и оцѣнки, что достигнуто авторомъ съ помощью трудо-

любиваго и внимательнаго изученія разнообразнаго матеріала, котораго касается его тема. Эти качества менѣе замѣтны во второй части сочиненія, хотя и здѣсь авторъ старался не пропустить важнѣйшихъ памятниковъ безъ вниманія и надлежащаго разбора, пользуясь извлеченіями изъ русскіхъ хронографовъ, напечатанныхъ въ *Изборникъ* Андрея Попова, также изданными лѣтописями и житіями. Обзорѣвая наиболѣе важные разряды источниковъ, авторъ пользовался и нѣкоторыми спеціальными о нихъ изслѣдованіями, какія находилъ въ русской исторической литературѣ. Все это вмѣстѣ съ простымъ и яснымъ изложеніемъ даетъ возможность признать сочиненіе студента Плотникова очень удовлетворительнымъ“.

27) Отзывъ ординарнаго профессора А. Лебедева о сочиненіи *Николая Пюльдинскаго* на тему: „Древне-христіанскіе апологеты въ ихъ отношеніи къ стоицизму“:

„Авторъ оказывается не на высотѣ своего признанія. Вмѣсто изложенія отношеній апологетовъ (II и III вв.) къ стоицизму онъ ограничился изученіемъ въ интересѣ темы лишь одного св. Іустина, и потому въ его сочиненіи прямо послѣ обозначенія темы стоитъ заголовокъ: „св. Іустинъ“ (?). Да и о св. Іустинѣ авторъ разуждаетъ такъ, что дается понимать о недостаточно ясномъ представленіи авторомъ требованій, предъявляемыхъ темой. Нѣтъ ни предисловія, нѣтъ ни конспекта на дальнѣйшія части сочиненія. Видно, что авторъ, кромѣ св. Іустина и соединенныхъ съ нимъ вопросовъ, ничего не изучалъ. Не похвально. Въ сочиненіи при томъ-же много мелкихъ ошибокъ и недосмотровъ, наприм.: цитируется какой то историкъ Свида, какаѣ то несуществующая исторія философіи Вебера, цитируются источники, которыхъ авторъ и не видывалъ, краткость или пространность рѣчи относительно извѣстнаго предмета опредѣляется случайностью и пр. Впрочемъ, все же видно, что авторъ до извѣстной степени трудился (написалъ и при томъ самостоятельно 253 стр.), имѣетъ достаточныя церковно-историческія свѣдѣнія; онъ излагаетъ сочиненіе просто и пожалуй убѣдительно. Можно признать сочиненіе удовлетворительнымъ“.

28) Отзывъ доцента П. Корсунскаго о сочиненіи *Димитрія Протопопова* на тему: „Бесѣда св. Василія Великаго къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями (историко-литературное разсмотрѣніе бесѣды)“:

„Сочиненіе г. Протопопова состоитъ изъ введенія и трехъ главъ

исследованія. Во введеніи авторъ раскрываетъ важность разема-триваемой бесѣды св. Василія Великаго въ вопросѣ о взглядахъ свв. отцовъ и учителей церкви на классическое образованіе вообще; въ первой главѣ излагаетъ основныя черты жизни и воспитанія свитителя Василія; во второй раскрываетъ взгляды главныхъ представителей Александрійской школы и самаго св. Василія Великаго, какъ питомца этой школы, на классическое образованіе и наконецъ всю третью главу, самую большію по объему (стр. 171—369), посвящаетъ собственно историко-литературному разсмотрѣнію, разбору названной бесѣды св. Василія. Въ краткомъ заключеніи (стр. 369—375) авторъ обобщаетъ главнѣйшія мысли своего сочиненія и приходитъ къ выводу о пользѣ классическаго образованія въ христіанствѣ.

„Сочиненіе, при такой, довольно широкой, постановкѣ дѣла раскрытія темы и при сравнительной краткости времени, находившагося въ распоряженіи автора, разумѣется, оказалось далеко не свободнымъ отъ недостатковъ. Такъ прежде всего бросается въ глаза отсутствіе яснаго указанія плана, который усматривается лишь по прочтеніи уже всего сочиненія. Затѣмъ не всегда замѣтна строгость системы въ изложеніи, иногда не достаетъ строгости и порядка мыслей въ сочиненіи (см. напр. стран. 34 — 42, 67, 168 и др.) и под. По мѣстамъ встрѣчаются не вполнѣ удачныя опыты перевода съ греческаго (напр. стр. 88, 91, 98, 103 и др.) или поправокъ существующихъ переводовъ (напр. 320, 335 и др.), случаи ненности въ выраженіи мыслей (стр. 12, 20, 49, 55 и др.), безъ надобности употребляемыя иностранныя слова (напр.: „варируемы“ — стр. 82, 224, „солидарный“ — стр. 8, 107 и др.), пестрядныя выраженія и обороты рѣчи (напр. стр. 12, 15, 85) и под. По вѣ эти недостатки, легко объясняемые очевидною спѣшностью работы, съ избыткомъ искупаются несомнѣнными и высокими достоинствами сочиненія. Сюда относятся, прежде всего, тщательная и усердная разработка источниковъ и и благоразумное пользованіе ими. Авторъ хорошо и основательно изучилъ творенія не только св. Василія Великаго, но и другихъ свв. отцовъ и учителей церкви, особенно же св. Григорія Богослова и св. Григорія Нисскаго, и извлекъ изъ нихъ все, какимъ бы то ни было образомъ относящееся къ интересовавшему его предмету (см. напр. стр. 108 и дал., 180 и дал. и мн. др.); хорошо ознакомился и съ тѣми изъ писаній греческихъ классиковъ, которыя такъ или иначе касаются разсчитываемой имъ бесѣды св.

Василія (каковы писанія Гомера, Тезіода, Платона, Теогида, Паутарха и др.); тщательно изучилъ и неѣ почти иностранныя и русскія пособія, относящіяся къ уразумѣнію этой бесѣды, обнаруживъ при этомъ однако-же полную самостоятельность изслѣдованія и независимость отъ этихъ пособій (см. напр. стр. 7 и дал., 27, 117 и дал., 128 и дал., 141 и дал., 210, 304 и дал. 348 и др.). Затѣмъ, кромѣ сейчасъ указанной самостоятельности, которая представляетъ собою также одно изъ высокихъ достоинствъ сочиненія, къ числу достоинствъ должна быть отнесена и обстоятельность изслѣдованія въ немъ, особенно же въ третьей главѣ, имѣющей предметомъ своимъ историко-литературный разборъ бесѣды. При этомъ авторъ обнаружилъ основательныя филологическія свѣдѣнія и способность пользованія лучшими критическими приѣмами филологическаго изслѣдованія (см. напр. 211 примѣч., 213 примѣч. и др.); онъ нерѣдко, и при томъ иногда весьма удачно, поправляетъ существующіе русскіе переводы съ греческаго на основаніи подлинниковъ въ мѣстахъ, относящихся къ предмету его изслѣдованія (см. напр. стр. 62 примѣч., 111, 176 примѣч., 184 примѣч., 195, 199, 212 примѣч., 228 примѣч., 230 и примѣч., 257 и примѣч. 284, 308. 319, 329, 330 и др.); дѣлаетъ поправки къ цитатамъ, соображеніямъ и выводамъ въ существующихъ русскихъ (напр. Е. П. Ловягина, о. Бориса Плотникова) и иностранныхъ (Doergens, Wandinger, Nüsslin) изданіяхъ бесѣды св. Василія и изслѣдованійхъ о ней (напр. стр. 292, 295, 330, 337, и др.) и под. Далѣе, въ заслугу автору должна быть поставлена также и основательная защита св. Василія отъ нареканія въ подражаніи Плутарху при написаніи разсматриваемой бесѣды, проходящая чрезъ все сочиненіе. Наконецъ, не можетъ быть обойдено молчаніемъ и обнаруженное въ сочиненіи (см. напр. особенно стр. 113) доброе направленіе мыслей автора.

„Все эти достоинства сочиненія г. Протопопова, вполнѣ искупая упомянутые выше недостатки его, даютъ полное право считать это сочиненіе весьма хорошимъ и самого автора заслуживающимъ степени кандидата богословія.

29) Отзывъ ординарнаго профессора Н. Сүбботина о сочиненіи *Тихона Рождественскаго* на тему: „Отъ чего и какъ возникъ расколъ въ русской церкви“.

„Опредѣливъ въ краткомъ предисловіи задачу сочиненія, авторъ дѣлитъ его на три части. Въ первой критически разсматриваетъ

существующія въ нашей литературѣ воззрѣнія на расколъ и въ частности на происхожденіе раскола; во второй раскрываетъ условія способствовавшія появленію раскола въ русской церкви и подготовившія расколъ; въ третьей излагаетъ самый ходъ возникновенія и появленія раскола при патріархѣ Никонѣ.

„Авторъ съ большимъ усердіемъ изучилъ и внимательно оцѣнилъ все нужные для его труда и доступные ему матеріалы, въ особенности акты, относящіеся къ появленію раскола, и сочиненія самихъ первоучителей раскола. Сдѣлавъ основательнѣе оцѣнку существующихъ въ литературѣ мнѣній о происхожденіи раскола, онъ установилъ вполне правильный взглядъ на этотъ вопросъ и въ историческомъ изложеніи первыхъ проявленій раскола и потомъ открытаго возстанія его при патріархѣ Никонѣ далъ убѣдительное оправданіе своего взгляда. Сочиненіе очень хорошее“.

30) Отзывъ ординарнаго профессора А. Лебедева о сочиненіи *Павла Рязскаго* на тему: „Дѣятельность по части составленія символовъ вѣры, какъ одна изъ стихій въ жизни древней, преимущественно греческой, церкви“.

„Поводъ къ этой темѣ даютъ многочисленныя изслѣдованія норвежскаго ученаго Каспари, много лѣтъ работавшаго надъ сочиненіемъ по исторіи древнихъ символовъ и издаваемаго много новыхъ памятниковъ въ этомъ родѣ, отлично обследованныхъ. Но собранный и обработанный ученымъ Каспари матеріалъ до сихъ поръ не нашелъ себѣ соответствующаго приложенія въ области церковно-исторической науки. Задача г. Рязскаго заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы, воспользовавшись богатымъ матеріаломъ, даваемымъ въ книгахъ Каспари, ввести этотъ матеріалъ въ среду церковно-исторической науки, поскольку эта послѣдняя изслѣдуетъ древнюю церковную исторію. Такъ возникла тема съ вышеуказаннымъ заглавіемъ.

„Авторъ въ написанномъ имъ сочиненіи однако-жъ очень немного воспользовался имѣющимъ въ его распоряженіи матеріаломъ, даваемымъ изслѣдованіями Каспари. Потому что онъ далъ такую широкую постановку своей темѣ, что не успѣлъ дойти въ написанномъ имъ сочиненіи до изложенія исторіи символовъ IV и V вѣка, гдѣ работы Каспари въ особенности могли бы пригодиться автору.

„Авторъ изучаетъ лишь символы вѣры II и III вѣка, именно: древне-римскій и св. Густина (восточный гипотетическій), затѣмъ символы — св. Иринея, Тертуллиана, Циполита, Оригена и св.

Григорія Чудотворца. Работа автора такимъ образомъ далека отъ законченности. Но тѣмъ не менѣе сдѣланное авторомъ заслуживаетъ похвалы. Изученные и образованные имъ символы вѣры онъ всегда беретъ въ связи съ содержаніемъ тѣхъ патристическихъ сочиненій, гдѣ они находятся, вслѣдствіе чего ему необходимо пужно было изучать болѣе или менѣе тщательно эти произведенія, что по всей вѣроятности и лишило его возможности обработать свое сочиненіе сполна. Авторъ умѣлой рукой разбирается въ изученной имъ литературѣ и всегда извлекаетъ изъ нея лишь то, что прямо отвѣчаетъ на поставленный въ темѣ вопросъ. Чѣмъ дальше подвигается работа автора, тѣмъ интереснѣе она; и очень жаль, что авторъ, прерывая свою работу, не даетъ конспекта, изъ котораго можно было бы видѣть, какой церковно-историческій интересъ онъ имѣетъ въ виду указать въ предполагаемыхъ имъ дальнѣйшихъ главахъ исторіи символовъ. (Правда, на этотъ счетъ есть нѣсколько замѣчаній въ началѣ сочиненія, но они недостаточно уясняютъ содержаніе ненаписанной, но уже подготовленной части труда автора). Авторъ, несомнѣнно, вполне достаточно овладѣлъ своимъ предметомъ и пишетъ о немъ ясно, живо и съ полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своихъ выводовъ и воззрѣній. Сочиненіе чуждо всякаго неадаптизма и скрупулезности, считаемыхъ нерѣдко за научную серьезность. Авторъ бесѣдуетъ съ читателемъ, а не томитъ его до изнеможенія силъ, какъ это иногда бываетъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ.

„Кромѣ главнаго недостатка — незаконченности сочиненія, есть въ немъ и второстепенные: по мѣстамъ излишняя подробность, преувеличенность выводовъ, неточности въ изложеніи и проч.“

„Сочиненіе, не смотря на недоконченость, велико (538 стр.) и, какъ трудъ серьезный, вполне удовлетворительно для пріобрѣтенія авторомъ кандидатской степени“.

31) Отзывъ ординарнаго профессора П. Субботина о сочиненіи *Павла Святозарова* на тему: „Семень Денисовъ, какъ историкъ раскола“:

„Послѣ введенія, въ которомъ говорится о состояніи раскола въ то время, когда братья Денисовы начинаютъ свою дѣятельность, сочиненіе раздѣлено на четыре главы: въ первой авторъ излагаетъ жизнь и дѣятельность Семена Денисова, во второй и третьей разсматриваетъ два главныя историческія сочиненія Семена Денисова: „Виноградъ Россійскій“ и „Исторію объ отцѣхъ